

1868. 8. 24.

МОСКОВСКОЙ
ЖУРНАЛЬ.

Часть VI.

Книжка третія.

Іюнь 1792.

МОСКА,
въ Университетской Типографіи,
у В. Окорокова.

МОСКОВСКОЙ ЖУРНАЛЪ.

Часть шестая. Книжка третія.

Мѣсяцъ Іюнь.

І.

СИЗОЙ ГОЛУБОЧИКЪ.

Пѣсня.

Спонетъ сизой голубочикъ,
Спонетъ онъ и день и ночь;
Его миленькой дружочки
Отлещълъ далеко прочь.

*

Онъ ужъ болѣ не воркуетъ
И пшенички не клюетъ;
Все шоскуетъ, все шоскуетъ
И тихонько слезы льетъ.

*

Съ нѣжной вѣтки на другую
Перепархиваетъ онъ,
И подружку дорогую
Ждемъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ.

Часть. VI.

* П 245860 Ждемъ

Библиотека
МГУ
им. М.В.Ломоносова

регистр. № 3410

Ждеть ее — увы! но тщетно!
Знашь судилъ ему такъ рокъ!
Сохнешь, сохнешь непримѣтно
Спрашній, вѣрный голубокъ.

Онъ ко шправкѣ прилегаѣтъ;
Носикъ въ перья завернулъ;
Ужъ не спонетъ, не вздыхаетъ —
Голубокъ . . . навѣкъ уснулъ.

Вдругъ голубка прилѣтѣла
Пріунывъ издалека —
Надъ своимъ любезнымъ сѣла —
Будишъ, будишъ голубка;

Плачетъ, спонетъ, сердцемъ ноя;
Ходишъ миаго вокругъ —
Но . . . увы! прелестна Жлоя! . . .
Ужъ не вспашетъ милый другъ!

И.

II.

II.

ГРАФЪ ГВАРИНОСЪ.

Древняя Гишпанская историческая пьеса.

Худо, худо, ахъ Французы!
Въ Ронцевалѣ было вамъ!
Карлъ Великой тамъ лишился
Лучшихъ Рыцарей своихъ.

*

И Гвариносъ былъ поиманъ
Многимъ множествомъ враговъ;
Адмирала вдругъ пѣнили
Семь Арабскихъ Королей.

*

Семь разъ жеребей бросаютъ
О Гвариносъ Цари;
Семь разъ сряду доспаетъ
Марлотесу онъ на часть.

*

Марлотесу онъ дороже
Всей Аравии большой.
„Ты послушай, что я молвлю,
О Гвариносъ! „ онъ сказалъ.

*

, „Ради Аллы, храбрый воинъ,
Нашу вѣру прѣими!
Все возьми, чѣмъ ты захочешь,
Чѣмъ приглянется тебѣ.

, „Дочерей моихъ обѣихъ
Я Гвариносу отдамъ;
На любой изъ нихъ женился,
А другую такъ возьми,

, „Чтобъ Гвариносу служила,
Мыла, шила на него.
Всю Аравію приданымъ
Я за дочерью отдаю.,,

Тутъ Гвариносъ слово молвилъ;
Марлошесу онъ сказалъ:
„Сохрани Господь небесный
И Марія, мать Его,

, „Чтобъ Гвариносъ, Христіянинъ,
Магомету послужилъ!
Ахъ! во Франціи невѣста
Дорогая ждешъ меня.,,

Марлопесъ, пришедши въ яросль,
Грознымъ голосомъ сказалъ:
„ Вмигъ Гвариноса окуйше ,
Нечестиваго раба ;

*

„ И въ пемницу преисподню
Засадите вы его.

Пусть гнѣшъ тамъ понемногу ,
И умрешъ какъ бѣдный червь !

*

„ Цѣпи тяжки, въ семь сопъ фунтовъ ,
Возложиша на него ,
Опъ плеча до самой шпоры —
Спрашенъ въ гнѣвъ Марлопесъ !

*

„ А когда настанетъ праздникъ ,
Пасха , Свяшки , Духовъ День ,
Вкровь его тогда сѣкише
Предъ глазами всѣхъ людей . ,

*

Дни проходятъ , дни приходятъ ,
И насталъ Ивановъ день ;
Христіяне и Арабы
Вмѣшъ празднуютъ его .

*

Християне сыплющъ галганиѣ (*);
Мирзы мечешъ всакой Мавръ (**).
Въ почесть празднику заводишъ
Разны игры Марломесъ.

*

Онъ высоко цѣль поставилъ,
Чтобъ попасть въ нее копьемъ.
Копья всѣ свои бросаютъ,
Всѣ Арабы мѣшаетъ въ цѣль.

*

Ахъ напрасно въ цѣль всѣ мѣшаетъ!
Цѣль для слабыхъ высока!
Марломесъ велѣлъ во гнѣвѣ
Чрезъ Герольда обѣявить:

*

,, Дѣшамъ груди не сосапи,
А большимъ ни пить, ни ъспѣ .
Еспыли цѣли сей на землю
Кто изъ Мавровъ не сшибетъ!,,

*

И Гвариносъ шумъ услышалъ
Въ той темницѣ, гдѣ сидѣлъ.

,, Машъ

(e) Индѣйское распѣнїе.

(ee) Въ день Св. Іоанна Гишинцы усыпали улицы галганиемъ и миршами.

,, Мать Свяшая, чиста Дѣва!
Что за день такой пришелъ?

*

,, Не Король ли нынѣ вздумалъ,
Выдать за мужъ дочь свою?
Не меня ли сѣчь жестоко
Часъ презлой теперь насталъ?,,

*

Спрашъ темничный то подслушалъ.
,, О Гвариносъ! свадьбы нѣтъ;
Нынѣ сѣчь тебя не будутъ;
Трубный звукъ не то гласитъ.

*

,, Нынѣ праздникъ Іоанновъ;
Всѣ Арабы въ торжествѣ.
Всѣмъ Арабамъ на забаву
Марлотесъ поставилъ цѣль.

*

,, Всѣ Арабы копья мечутъ,
Но не могутъ въ цѣль попасть;
По чему Король во гнѣвѣ
Чрезъ Герольда, объявилъ:

*

,, Пить и ъесть никто не можетъ,
Буде цѣли не сшибутъ.,, —

Тутъ Гвариносъ вспрепемулся;
Слово молвилъ онъ сіе:

*

,, Дайше мнѣ коня и сбрую,
Съ коей Карлу я служилъ;
Дайше мнѣ копье булавно,
Коимъ я враговъ разилъ.

*

,, Цѣль шотчасъ сшибу на землю,
Сколь она ни высока.
Еспѣли жъ я сказалъ неправду,
Жизнь моя у васъ въ рукахъ.,,

*

,, Какъ! на то тюремщикъ молвилъ:
Ты семь лѣтъ въ тюрьмѣ сидѣлъ,
Таѣ другое больше года
Не могли цикакъ прожить;

*

,, И еще ты думашь можешь,
Что сшибешь на землю цѣль? —
Я пойду сказать Инфаншу,
Что теперъ ты говорилъ.,,

*

Скоро, скоро поспѣшаєшъ
Спражъ темничный къ Королю;

При-

Приближается къ Инфаншу,
И приноситъ вѣсть ему:

*

,, Знай, Гвариносъ, Христіянинъ,
Что въ тюрьмѣ семь лѣтъ сидитъ,
Хочетъ цѣль сшибить на землю,
Еспѣли дашь ему коня.,,

*

Марлошесъ, сѣе услышавъ,
За Гвариносомъ послалъ;
Царь не думалъ, чтобъ Гвариносъ
Могъ еще конемъ владѣть.

*

Онъ велѣлъ принести всю сбрую
И коня его сыскать.
Сбруя ржавчиной покрыта,
Конь возилъ семь лѣтъ песокъ.

*

,, Ну, ступай! сказалъ съ насмѣшкой
Марлошесъ, Арабской Царь:
Покажи намъ, храбрый воинъ,
Сколь сильна рука твоя!.,,

*

Такъ какъ буря разъяренна,
Къ цѣли мчится сей Герой;
Мечетъ онъ копье булатно —
На земль вдругъ цѣль лежитъ.

*

Всѣ Арабы взволновались,
Мечутъ копья всѣ въ него;
Но Гвариносъ, воинъ смѣлый,
Храбро ихъ мечемъ сѣчещъ.

*

Солица свѣтъ почти запмился
Отъ великаго числа
Тѣхъ, которые спремились
На Гвариноса всѣ вдругъ.

*

Но Гвариносъ ихъ разсѣялъ,
И до Франціи доспигъ,
Гдѣ всѣ Рыцари и Дамы
Съ честью приняли его.

III.

КЪ ЛИРЪ (*).

Какъ лучъ во пымѣ блеснетъ вдали
Въ глухой пустынѣ и печальной,
Гдѣ странникъ, сбившійся съ пути,
Лишь вой звѣриный слышитъ дальний;
О какъ взыграетъ духъ его,
Отраду сладку обрѣтая!
Ты прежде, лира дорогая,
Волшебствомъ звона твоего
Мое шакъ сердце услаждала.
Когда тоска меня сѣдала;
Когда сердецъ сей хитрый змѣй (**)

Бездѣ

(*) Стихи къ рѣкѣ Талашнѣ многимъ полюбились: сїе иллеса того же Сочинишаля, мнѣ почти незнакомаго, — потому что я видѣлъ его только одинъ разъ, и по мелькомъ — незнакомаго, но любезнаго, шакъ канѣ всѣ люди съ дарованіями и съ нѣжнымъ чувствомъ мнѣ любезны. К.

(**) Естѣли змѣй означаетъ тоску, то энншепъ хитрый, належится, найденъ иѣ нему; тоски не лѣзя назвать хитрою. — Поэтъ, сказавъ: Когда тоска меня сѣдала; когда сердецъ сей хитрый змѣй,

Вездѣ мнѣ тайно рылъ могилу ;
Смиряла и его ты силу ;
Ты другъ была души моей —
Теперь я окруженъ лишь тьмою !

Когда съ румяною зарею
Всходяще солнце сверхъ долинъ,
Освѣшивъ тѣ жилища тѣсны ,
Гдѣ тайныхъ властію причинъ
И умъ и сердце прахъ единъ,
Незрится меритъ блескъ чудесный —
Не слышанъ мнѣ такъ голосъ твой ,
И слышать спалъ я неспособенъ —
Ручью

и ироч. воображаетъ змѣя живущимъ
въ сердцѣ ; но въ слѣдующемъ стихѣ
говоримъ : „вездѣ мнѣ тайно рылъ мо-
гилу „, и слѣдственno воображаетъ его
уже въ сердца , — чего согласить не-
льзя. Да и рыть могилу еспѣ дѣй-
ствїе , несвойственное змѣю . — Толь-
ко хорошия пѣсни можно разбирать
такъ строго. Пусть сѣе донажепъ лю-
безному Автору , съ какимъ вниманіемъ
Издатель Московскаго Журнала чита-
етъ его сочиненія , и сколь желаетъ
онъ возможнаго изъ совершенства !
— К.

Ручью изсохшему подобенъ,
Который прежде сего волной
Съ лучами всѣхъ свѣтилъ играя,
Межъ острыхъ камней пропекая,
(Не зналъ и зимнихъ онъ оковъ!)
Теперь подъ тѣ же камни скрылся,
Межъ коими блесталъ, рѣзвился,
И въ мершвой превратился ровъ....
Во мнѣ осталась грусть безъ словъ!

Уже весенни ароматы
Влекутъ къ красамъ Природы взоръ,
И плодородіемъ богатый
Слезится бисеръ съ снѣжныхъ горъ (*);
Уже пѣвецъ весны пернатый,
Теряясь въ ясной вышинѣ (**),
Поетъ любовь свою веснѣ —,
А сердце спрастное во мнѣ,
Бѣясь съ тоскою въ нѣдрахъ тѣсныхъ,
Но не видащая чувство прелестныхъ,
Меняжъ разитъ (***) , волнуетъ кровь!

И

(*) Очень хорошо! — К.

(**) Теряясь въ ясной вышинѣ — прекрасной спихъ! — К.

(***) Я желалъ бы, чтобъ Поэтъ сказалъ сїе какъ нибудь иначе, — К.

И самый громъ принесъ любовь —
Опверзъ онъ землю къ жизни вновь —
А ты, о лира! бывъ со мною
Какъ въ краткомъ и прѣятномъ снѣ,
Исчезла, и съ тоской одною
Оставила лишь жизнь во мнѣ!

Но безъ тебя какъ живь я буду?
Какихъ, и тдъ искать отрадъ?
Считая знанность за полулу (*),
Я знаю, что подъ ней есть ядъ.
Искать ли злаша въ чинѣ маломъ?
Я вижу, кто нашелъ и кладъ,
Тотъ мершвымъ ослѣпленъ металломъ,
Забылъ живыхъ своихъ друзей.
О нѣшъ! . . . Блаженъ, кто въ жизни сей
Доспакомъ предшвеннымъ доволенъ!
Умѣренность! наставникъ мой!
Съ тобой здоровъ я, щастливъ, воленъ!
Живи, мой другъ, живи со мной (**)!
Твои жестокіе уроки

Мерш-

(*) Не низко ли сїе слово въ спижахъ?
— К.

(**) И предшедшіе спижи очень хороши;
а въ семъ послѣднемъ есть какая-то
особливая, милая нѣжность. — К.

Мершвяпъ плѣнишельны пороки ;
Съ тобой добрѣе человѣкъ.
Но съ чѣмъ сравню тѣ дни блаженны ,
Когда съ тобой кѣо въ краткій вѣкъ
Пишаетъ и восторгъ священный ,
И духомъ къ небесамъ паритъ !
Тому средь гореши , нещастья ,
Какъ солнце часто сквозь ненаспѣя ,
Упѣха и въ слезахъ блеститъ (*).
Исполненъ творческою силой ,
Въ тѣмницахъ пѣсной и унылой
Себѣ онъ свѣтлый перемѣнъ зритъ .

Вдохни мнѣ , лира , прежде щастье ;
Вдохни твой жаръ , твоё согласье !
Мой духъ , среди весеннихъ дней
Убитый участью моей ,
Съ тобой въ согласїи взыграетъ .
Огню и камень уступаетъ :
Сильнѣе гласъ твой всѣхъ огней .

Я не ищу той пышной славы ,
Которую Небесъ успавы
Хранятъ для избранныхъ сердецъ ,
Чтобъ громъ изъ устъ моихъ блестяж
И

(*) Живое , пѣтическое сравненіе ! — К.

И блескомъ міры наполняя,
Изъ молній мнѣ создалъ вѣнецъ (*);
Но мысли къ сердцу обращая,
Хочу, чтобъ рѣчъ моя проспая,
Какъ токъ прозрачный по пескамъ,
Межъ Русскихъ береговъ сверкала,
И мирный пушъ къ честнымъ сердцамъ
Моихъ соотчичей склоняла.

Когда бъ средь роскоши, забавъ,
Златыя пышныя порфиры,
И драгоценные кумиры,
И ароматы рѣдкихъ травъ,
Меня блаженствомъ награждали:
Могло бы быть, что средь отравъ (**)
Мои и чувства засыпали.
Но еспѣли участни законъ
Назначилъ, чтобъ единый сонъ
Такими лъстивъ меня мечтами;

И

(*) Сей образъ (*image*) можно назвать слишкомъ блестящимъ, ослѣпительнымъ. — Въ мірахъ удареніе должно быть на впоромъ слогѣ. — К.

(**) Поешь разумѣлъ подъ отравами, можетъ быть, ароматы травъ; но верно не златыя порфиры, не драгоценные кумиры? — К.

И ежели ходишь пѣшкомъ
И въ снѣгъ, и въ слякоть, въ дождь
и громъ,
Я осужденъ подъ небесами;
Какъ всяка пища за споломъ
Сладка мнѣ съ другомъ и пріятна:
За чѣмъ, о лира *благодатна!* (*)
Тобою другъ оспавленъ твой?
Блаженъ я буду въ вѣкъ съ тобой!
Съ тобой безъ демегъ, безъ карепы,
Въ небесные поѣду свѣты —
Любовью напоенъ святої,
Я смертной жизни быстры лѣты
Остановлю твоей спруной (**).
И дубъ, чѣмъ время презирая,
Вершину кроешъ въ небесахъ,
А корнемъ землю облагая,
Стоитъ недвижимо въ вѣкахъ —
И топъ падетъ — онъ бурей люсткой
Быть можетъ сорванъ съ корня въ
мигъ —
Быть можетъ, чѣмъ одной минутой

Састь VI.

R

И

(*) Сѣе прилагательное имя къ лире
очень хорошо. — К.
(**) Прекрасно, прекрасно! — К.

И я лишусь друзей моихъ! (*) . . .
Но мы и смерти не причастна —
Смерть самая съ тобой прекрасна. . .

Какъ добрые мои друзья
На гробъ мой мрачный соберутся —
Сердечны слезы ихъ прольются,
Воспомня (**), что живалъ и я —
То изъ земли съ тобою, лира,
Возстанемъ къ нимъ любовь моя,
И въ видѣ тонкаго энира
Ихъ души тронетъ рѣчь швоя (***) .

IV.

(*) Я воображаю здѣсь нѣжно-горестную
спановку. Въ семъ мѣстѣ Поэтъ об-
тираетъ слезу. — К.

(**) Воспомня, по связи словъ, но но-
нечно пропавъ Сочинителевой мысли,
относится здѣсь къ слезамъ — К.

(***) Поэтъ воображаетъ, что печальные
друзья, на гробъ его собравшіеся, слы-
шатъ — какъ будто бы вдали — какъ
будто бы въ вѣянїи тонкаго энира —
тѣ прѣятнѣя пѣсни, которыя онъ въ
жизни своей воспѣвалъ имъ, и въ ко-
торыхъ любовь его къ нимъ изобра-
жалась. Кто же вспомнилъ при семъ о
Шопландскомъ Бардѣ? .. Такъ кон-
чается, такъ умираютъ Модардовы,
Пределы сдажи. — К.

IV.
ТИМНЪ.

Наспало торжество Природы,
Спешелъ на землю сладкій миръ.
Возспаньте всѣ земные роды!
Пари въ Сіонъ разумный міръ!

Восклинемъ Богу пѣснь гремящу,
Опіцу временъ, живопворяще!

*

Твою силою чудесной,
Творецъ, текутъ всѣ времена.
Се отъ Твоей улыбки нѣжной
Цвѣтешъ прелестная весна!

Твое всесильно дуновенье
Живишъ все дивное творенье.

*

Земля, днесь свыше озаренна
Сиянемъ Твоего лица,
Какъ дщерь красуясь вожделѣнна,
Въ восторгъ приводитъ всѣхъ сердца.
Мы въ ней Тебя, Господь, срѣщаємъ,
Благоговѣемъ, почитаемъ.

*

Твоя насть слава осеняетъ
Въ глубоку ночь, какъ въ ясный день.

Р 2

Когда

Когда полдневный лучъ блистаєтъ,
Лида мы Твоего зrimъ пѣнь.

Въ свѣтанїи златой денницы
Зrimъ блескъ Твоей мы багряницы.

*

Тебя торжественно ходяща
Мы зrimъ на вѣтренихъ крылахъ;
Внимаемъ съ трепетомъ гремяща
Въ молніеродныхъ облакахъ.

Тѣнистый лѣсъ и бурны волны
Твоихъ величествъ дивныхъ полны.

*

Твоя рука живописуетъ
Въ Нашурѣ дивну пестропу,
И вѣществъ изобразуетъ
Незриму смертнымъ красоту.

Ты, Боже, всѣхъ красотъ начало;
Вселенная есть ихъ зерцало.

*

Зефировѣ нѣжное дыханье,
Сладчайшій ѡимїамъ цвѣтовѣ
И тонкое ручьевѣ журчанье, —
Все намъ гласитъ Твою любовь.

Влеки насъ благоспью Свою,
И нашей обладай душою!

*

Во всемъ мы зrimъ, вездѣ срѣшаемъ
Тебя, всесильный нашъ Творецъ!
Тебѣ хвалу мы возылаемъ
Благоговѣющіхъ сердцѣ.

Прими днесь наше пѣснопѣнье,
И даруй намъ благословеніе.

Д. Д** ской.

V.

НАДГРОБНАЯ (*)

Г. И. Г.

На память вѣрныхъ любви, во мзду за-
слугъ.

Се жертва мужняя достойнѣйшей су-
пругъ.

Супруга нѣжная! вѣ унынїи моемъ
Уронъ вѣ тебѣ мой чту мнѣ злымъ,
для свѣща вреднымъ.

Оставя здѣшний свѣтъ, оставила ты
вѣ немъ

Мнѣ горестъ, дѣшамъ плачь, и скорбь
друзьямъ и бѣднымъ.

*.

Р. 3

ВЪ

(*) Вырѣзанная на монументѣ.

Въ красъ добротъ твоихъ окончанный
твой вѣкъ
Явимъ, что онъ къ своей мѣшъ уже
пришелъ;
Созрѣлъ для жизни духъ и рушилась
препона.
Сей хладный памятникъ, подъ коимъ
прахъ твой скрышъ,
Пусть дѣну изразитъ
И моей любви и моего урона.

Л.

(Изъ Петербурга.)

VI.

БѢДНАЯ ЛИЗА.

Можешъ быть никто изъ живущихъ въ Москвѣ не знаетъ такъ хорошо окрестностей сей сполицы, какъ я, пошому что никто чаще моего не бываетъ за городомъ; никто болѣе моего не бродитъ пѣшкомъ, безъ плана, безъ цѣли — куда глаза глядятъ — по лугамъ и полямъ, по рощамъ и кусточкамъ. Всякое лѣпо-

на-

нахожу я новые пріятныя мѣста, или
въ спарыхъ новыхъ красомы.

Но всего пріятнѣе для меня по-
мѣсто, на которомъ возвышаюся
мрачныя, готическія башни Си* нова-
го монастыря. Стоя на сей горѣ, ви-
дишь на правой сторонѣ почти всю
Москву, сю ужасную громаду домовъ
и церквей, которая представляется
глазамъ въ образѣ величественнаго
амфипеапра: великолѣпная картина,
а особенно погода, когда свѣтитъ на
нее солнце; когда вечерніе лучи его
пылаютъ на безчисленныхъ златыхъ
куполахъ, на безчисленныхъ крестахъ,
къ небу возносящихся! Внизу разсти-
лаются пучные, густозеленые, бѣ-
лыми, синими и красными цвѣто-
чками распещренные луга, за кото-
рыми, по желтымъ пескамъ, течетъ
прозрачная рѣка, волнуемая легкими
шеслами рыбачьихъ лодокъ, или шу-
мящая подъ рулемъ грузныхъ спру-
говъ, которые плывутъ отъ плодо-
носившихъ странъ Российской Импе-
рии и надѣляющъ алчную Москву хлѣ-

бомъ. На другой споронѣ рѣки видна дубовая роща, подлѣ которой пасутся многочисленныя стада; тамъ молодые паспухи, сидя подъ тѣнью деревъ, поютъ проспныя, унылыя пѣсни, и сокращающіе шѣмъ лѣтніе дни, споль для нихъ единообразные. Подалѣе, въ тускѣ зелени древнихъ вязовъ, блиспаетъ злашоглавый Да* ловъ монастырь; еще далѣе, почти на краю горизонта, синѣють Воробьевыя горы. На лѣвой же споронѣ видны обширныя, хлѣбомъ покрытыя поля, лѣсочки, три или четыре деревеньки, и вдали село Коломенское съ высокимъ Дворцомъ своимъ.

Часто прихожу я на сїе мѣсто, и почти всегда встрѣчаю тамъ весну; шудаже прихожу и въ мрачные дни осени, горевать выѣстѣ съ Природою. Страшно воютъ вѣтры въ спѣнахъ опустѣвшаго монастыря, между гробовъ, заросшихъ высокою травою, и въ темныхъ переходахъ келлій. Тамъ, опершись на развалины гробныхъ камней, внимаю глухому стону вре-

временъ, бездною минувшаго поглощенныхъ — спону, отъ котораго сердце мое содрогающа и трепещетъ. Иногда вхожу я въ кельи, и представляю себѣ тѣхъ, которые жили въ оныхъ — печальные картины! Здѣсь вижу сѣдаго старца, преклоняющаго колѣна свои передъ Распятиемъ, и молящагося о скоромъ разрѣшенїи земныхъ оковъ своихъ; ибо всѣ удовольствія исчезли для него въ жизни, всѣ чувства его умерли, кроме чувства болѣзни и слабости. Тамъ юный монахъ — съ блѣднымъ лицемъ, съ томнымъ взоромъ — смотритъ въ поле сквозь рѣшетку окна своего, видитъ веселыхъ ишичекъ, свободно плавающихъ въ морѣ воздуха — видитъ, и проливаешь горькія слезы изъ глазъ своихъ. Онъ томится, вянеть, сохнетъ — и унылой звонъ колокола возвѣщаетъ мнѣ безвременную смерть его. — Иногда на вратахъ храма разматриваю изображеніе чудесъ, въ семъ монастырѣ случившихся — тамъ рыбы падающа съ неба для насыщенія жите-

лѣй монастыря, осажденнаго многок
численными врагами; тутъ образъ
Богомашери обращаетъ непріятелей
въ бѣгство. Все сіе обновляешъ въ
моей памяти исторію нашего ощече-
ства — печальную исторію тѣхъ вре-
менъ, когда свирѣпые Татарами и Ли-
шовцы огнемъ и мечемъ опустошали
окрестности Россійской столицы, и ко-
гда нещастная Москва, какъ беззащит-
ная вдовица, отъ одного Бога ожидала
помощи въ лютыхъ своихъ бѣгствіяхъ.

Но всего чаще привлекаетъ меня
къ стѣнамъ Си*нова монастыря — вос-
поминаніе о плачевной судьбѣ Лизы,
бѣдной Лизы. Ахъ! я люблю тѣ пред-
меты, которые трогаютъ мое сердце
и заставляютъ меня проливать слезы
иѣжной скорби!

Саженяхъ въ семидесяти отъ мо-
настырской стѣны, подлѣ березовой
рощицы, среди зеленаго луга, спо-
ицъ пущая хижина, безъ дверей, безъ
окончинъ, безъ полу; кровля давно
сгнила и обвалилась. Въ сей хижинѣ
льшъ за тридцать передъ симъ жила

пре-

прекрасная, любезная Лиза съ спарушкою, машерью своею.

Опцдъ Лизинъ былъ довольно зажиточной поселянинъ, потому что онъ любилъ работу, пахалъ хорошо землю и велъ всегда превзую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обѣдняли. Лѣнивая рука наемника худо обработывала поле, и хлѣбъ переспалъ хорошо родиться. Онъ принуждены были отдать свою землю въ наемъ, и при томъ за весьма небольшія деньги. Къ тому же бѣдная вдова, почти безпрестанно проливая слезы о смерти мужа своего — ибо и крестьянки любить умѣютъ! — день ото дня становилась слабѣе, и совсѣмъ не могла работать. Одна Лиза, — кошорая оссталась послѣ отца пятнадцати лѣтъ — одна Лиза, не щадя своей иѣжной молодости, не щадя рѣдкой красоты своей, трудилась день и ночь — ткала холсты, вязала чулки, весною рвала цветы, а лѣтомъ брала ягоды — и все сїе продавала въ Москву. Чувствительная, добрая спарушка,

шка, видя неупомимость дочери своей, часто прижимала ее къ слабо-блѣюще-муся сердцу своему, называла Боже-скою милоспію, кормилицею, отра-дою спароспи своей, и молила Бога, чтобы Онъ наградилъ ее за все то, что она дѣлаетъ для своей матери.,,, Богъ далъ мнѣ руки, чтобы рабо-тать, говорила Лиза: ты корми-меля меня своею грудью и ходила за мною, когда я была ребенкомъ; теперь при-шла моя очередь ходить за тобою. Пересшань только крушишься, пере-спань плакать; слезы наши не ожи-яли батюшки.,,, Но часто нѣжная Ли-за не могла удержать собственныхъ слезъ своихъ — ахъ! она помнила, что у нее былъ отецъ, и что его не стало! но для успокоенія матери спаралась птицъ печаль сердца сво-его, и казаться покойною и веселою. —,, На томъ свѣтѣ, любезная Лиза (опять-чала гореспная спарушка) на томъ свѣтѣ переспану я плакать. Тамъ, сказываютъ, будущъ всѣ веселы; я вѣрио весела буду, когда увижу оп-

иа швоего. Только тёперь не
хочу умереть — что съ тобою безъ
меня будеъ? На кого тёбя покинуть?
Нѣпъ, дай Богъ прежде пристроить
тебя къ мѣсту! Можетъ быть,
скоро сущестся доброй человѣкъ. То-
тда, благословя васъ, милыхъ дѣшей
моихъ, перекрещусь и спокойно лягу
въ сырую землю., —

Прошло года два послѣ смерти
отца Лизина. Луга покрылись дѣвша-
ми, и Лиза пришла въ Москву съ бу-
кетомъ ландышей. Молодой, хорошо
одѣтой человѣкъ, пріятнаго вида,
встрѣтился ей на улицѣ. Она показа-
ла ему букетъ дѣтовъ — и закра-
снѣлась. Ты продашь его, девушка?
спросилъ онъ съ улыбкою. Продаю,
спвѣчала она. — „А что тебѣ за не-
го надобно?,, — Пять копѣекъ. —
„Это слишкомъ дешево. Вонъ тебѣ
рубль.,, — Лиза удивилась, осмѣли-
лась взглянуть на молодаго человѣка,
— еще болѣе закраснѣлась, и попу-
тивъ глаза въ землю, сказала ему, что
она же возьмѣть рубля. — „Для чего
же?,,

же ?,, — Мне не надобно лишняго. — „ Я думалъ , что букетъ прекрасныхъ ландышей , сорванныхъ руками прекрасной девушки , стоитъ не менѣе рубля . Когда же ты не берешь его , вонъ тебѣ пять копѣекъ . Я хотѣлъ бы всегда покупать у тебя цветы ; хотѣлъ бы , чтобы ты рвала ихъ только для меня .,, — Лиза отдала букетъ , взяла пять копѣекъ , поклонилась и ходила ипти ; но незнакомецъ остановилъ ее за руку . — „ Куда же ты пойдешь , девушка ?,, — Домой . — „ А гдѣ домъ твой ?,, — Лиза сказала , гдѣ она живетъ ; сказала и пошла . Молодой человѣкъ не хотѣлъ удерживать ее , можетъ быть для того , что мимоходящіе начали осматриваться , и смотря на нихъ , коварно усмѣхались .

Лиза , пришедши домой , рассказала матери , что съ нею случилось . „ Ты хорошо сдѣлала , что не взяла рубля . Можетъ быть это былъ какой нибудь лурой человѣкъ .,, ... Ахъ нѣтъ , матушка ! я этого не думаю . У него такое добреое лицо , такой

той голосъ — — „Однако жь, Лиза, лучше кормишься трудами своими, и ничего не брашь даромъ. Ты еще не знаешь, другъ мой, какъ злые люди могутъ обидѣть бѣдную девушку! У меня всегда сердце бываетъ не на свое мѣсто, когда ты ходишь въ городъ; я всегда спавлю свѣчу передъ образъ, и молю Господа Бога, чтобы Онъ сохранилъ тебя отъ всякой бѣды и напаски. „У Лизы навернулись на глазахъ слезы; она подѣловала машь свою.

На другой день нарвала Лиза самыхъ лучшихъ ландышей, и опять пошла съ ними въ городъ. Глаза ея тихонько чего-то искали. Многіе хотѣли у нее купить букетъ; но она отвѣчала, что онъ не продажной, и смотрѣла то въ ту, то въ другую сторону. Наступилъ вечеръ; надлежало возвращаться домой, и букетъ цвѣтовъ былъ брошенъ въ Москву рѣку. *Никто не владѣй тобою!* сказала Лиза, чувствуя какую-то грусть въ сердцѣ своемъ. — На другой

гой день вечеру сидѣла она подъ окономъ, пряла, и шихимъ голосомъ пѣла жалобныя пѣсни; но вдругъ вскочила и закричала: *ахъ!* . . . Молодой незнакомецъ споялъ подъ оконкомъ.

Что съ тобой сдѣлалось? спросила испугавшаяся мать, которая подъ нее сидѣла. *Ниего, матушка,* отвѣчала Лиза робкимъ голосомъ: *я* только *его* увидѣла. — „Кого?“ — *Того господина*, которой купилъ у меня цветы. Старуха выглянула въ окошко. Молодой человѣкъ поклонился ей такъ учтиво, съ такимъ пріятѣльнымъ видомъ, что она не могла подумать обѣ немъ ничего, кроме хорошаго. Здравствуй, добрая старушка! сказалъ онъ. Я отенъ усталъ: нѣтъ ли у тебя свѣжаго молока? Услужливая Лиза, не дождавшись отвѣта отъ матери своей — можетъ быть для того, что она знала его напередъ — побѣжала на погребъ — принесла чистую кринку, покрытую чистымъ деревяннымъ кружкомъ — схватила спасаю, вымыла, вытерла его бѣлыи

поло-

полопеномъ, налила и подала въ оконшко, но сама смотрѣла въ землю. Незнакомецъ выпилъ — и Некпаръ изъ рукъ Гебы не могъ бы показаться ему вкуснѣе. Всякой догадаешься, что онъ послѣ того благодарилъ Лизу, и благодарилъ не сполько словами, сколько взорами. Между тѣмъ добродушная спарушка успѣла разсказать ему о своемъ горѣ и утѣшеніи — о смерти мужа и о милыхъ свойствахъ дочери своей, обѣ ея трудолюбіи и нѣжности, и проч. и проч. Онъ слушалъ ее со вниманіемъ; но глаза его были — нужно ли сказывать, гдѣ? И Лиза, робкая Лиза посматривала изрѣдка на молодаго человека; но не такъ скоро молния блеститъ и въ облакѣ исчезаетъ, какъ быстро черные глаза ея обращались къ землѣ, вспрѣтаясь съ его взоромъ.

— „Мнѣ хотѣлось бы, сказалъ онъ матери, чтобы дочь твоя никому, кроме меня, не продавала своей работы. Такимъ образомъ ей не за чѣмъ будетъ часто ходить въ городъ, и

Состав. VI. С ты

ты не принуждена будешь съ нею разставаться. Я самъ по временамъ стану заходить къ вамъ,, — — — Тутъ въ глазахъ Лизиныхъ блеснула радость, которую она тщетно скрыть хотѣла; щеки ся пылали какъ заря въ ясный, лѣтній вечеръ; она смотрѣла на лѣвой рукавъ свой, и щипала его правою рукою. Старушка съ охотою приняла сіе предложеніе, не подозрѣвая въ ономъ никакого лурнаго намѣренія, и увѣряла незнакомца, что полно, вышканное Лизой, и чулки, вывязанные Лизой, бывають опимѣнно хороши, и носятся долѣе всякихъ другихъ. — Становилось темно, и молодой человѣкъ хотѣлъ уже ити. „Да какъ же намъ называть тебя, доброй, ласковой баринъ? спросила старуха. „Меня зовущъ Эрастомъ,, — отвечалъ онъ. Эрастомъ! сказала тихонько Лиза — Эрастомъ! Она разъ пять повторила сіе имя, какъ будто бы стараясь запвердить его. — Эрастъ проспился съ ними до свиданія, и пошелъ. Лиза провожала его глазами,

а машь сидѣла въ задумчивости, и взявъ за руку дочь свою, сказала ей: „Ахъ, Лиза! какъ онъ хорошъ и добръ! Ешьли бы женихъ твой былъ та-ковъ!,, Все Лизино сердце запре-пепало. *Матушка!* *матушка!* какъ этому статься? *Онъ баринъ;* а ме-жду крестьянами — — Лиза не до-говорила рѣчи своей.

Теперь читатель долженъ знать, что сей молодой человѣкъ, сей Эрастъ былъ довольно богатой дворянинъ, съ из-ряднымъ разумомъ и добрымъ сердцемъ, добрымъ отъ природы, но слабымъ и вѣтренымъ. Онъ велъ разсѣянную жизнь, думалъ только о своемъ удовольствіи, искалъ его въ свѣтскихъ забавахъ, но часто не находилъ, скучалъ и жало-вался на судьбу свою. Красота Ли-зы при первой встрѣчѣ сдѣлала впе-ча-тилѣніе въ его сердцѣ. Онъ читывалъ романы, идиллии; имѣлъ довольно живое воображеніе, и часто переселялся мысленно въ тѣ времена, (бывшія, или ие бывшія) въ которыхъ, по описанію

Поэтовъ, всѣ люди безпечно гуляли по лугамъ, купались въ чистыхъ источникахъ, цѣловались какъ горлицы, отдохали подъ розами и миртами, въ щасливой праздности всѣ дни свои провождали. Ему казалось, что онъ нашелъ въ Лизѣ то, чего сердце его давно искало. „Напура призываетъ мея въ свои объятия, къ чистымъ своимъ радостямъ, — думалъ онъ, и решимся — по крайней мѣрѣ на время — оставилъ большой свѣтъ.

Обратимся къ Лизѣ. Наступила ночь — мать благословила doch свою и пожелала ей кропкаго сна; но на сей разъ желаніе ея не исполнилось: — Лиза спала очень худо. Но вѣй госпѣ души ея, образъ Эрасповъ, сполъ живо ей представлялся, что она почти всякую минуту просыпалась, просыпалась и вздыхала. — Еще до восхожденія солнечнаго Лиза вспала сошла на берегъ Москвы-рѣки, сѣла на травѣ и, подгорюнившись, смотрѣла на бѣлые туманы, которыя волновались въ воздухѣ и, подымаясь вверхъ

веръхъ, оставляли блестящія капли на зеленомъ покровѣ Нашуры. Везде царствовала птичина. Но скоро восходящее свѣтило дня пробудило все пуреніе; рощи, кусточки оживились; птички вспорхнули и запѣли; цветы подняли свои головки, чтобы напиться живопворными лучами свѣта. Но Лиза все еще сидѣла подгорюнившись. Ахъ Лиза, Лиза! что съ тобою сдѣлалось? До сего времени, просыпаясь вмѣстѣ съ птичками, ты вмѣстѣ съ ними веселилась утромъ, и чистая, радостная душа свѣтилась въ глазахъ твоихъ, подобно какъ солнце свѣтилось въ капляхъ росы небесной; но теперь ты задумчива, и общая радость Природы чужда твоему сердцу. — Между тѣмъ молодой пастухъ по берегу рѣки гналъ свое спадо, играя на свирѣли. Лиза устремила на него взоръ свой и думала: „Есть ли бы способъ, кто занимаетъ теперь мысли мои, рожденъ былъ простымъ крестьяниномъ, пастухомъ, — и есть ли бы онъ теперь мимо меня

„гналъ спадо свое: ахъ! я поклонилась
„бы ему съ улыбкою, и сказамъ
„бы привѣтливо: Здравствуй, лю-
„безной пастушекъ! куда гонишь ты
„стадо свое? И здѣсь растетъ зел-
„ная трава для овецъ твоихъ; и здѣсь
„алѣютъ цветы, изъ которыхъ можно
„сплести вѣнокъ для шляпы твоей. Онъ
„взглянулъ бы на меня съ видомъ ла-
„сковыи мъ — взялъ бы, можетъ быть,
„руку мою . . . Мечта! мечта!,, —
Паспухъ, играл на свирѣли, прошелъ
мимо, и съ пестрымъ спадомъ сво-
имъ скрылся за ближній холмъ.

Вдругъ Лиза услышала шумъ
веселъ — взглянула на рѣку и увидѣ-
ла лодку, а въ лодкѣ — Эраспа.

Всѣ жилки въ ней забились, и ко-
нечно не отъ страха. Она вспала,
хотѣла ишти, но не могла. Эраспѣ
выскочилъ на берегъ, подошелъ къ
Лизѣ и — мечта ея отчасти испол-
нилась; ибо онъ взглянулъ на нее съ
видомъ ласковыи мѣръ, взялъ ее за руку.
. . . А Лиза, Лиза спояла съ попуп-

леннымъ взоромъ, съ огненными щеками, съ трепещущимъ сердцемъ — не могла отнять у него руки — не могла отворотиться, когда онъ приблизился къ ней съ розовыми губами своими . . . ахъ! онъ подѣловалъ ее, подѣловалъ съ такимъ жаромъ, что вся вселенная показалась ей въ огнь горящую! *милая Пиза!* сказалъ Эрастъ: *милая Пиза!* я люблю тебя! и сіи слова опозвались во глубинѣ души ея, какъ небесная, восхипительная музыка; она едва смыла вѣришь ушамъ своимъ и . . . Но я бросаю кисть. Скажу только, что въ сюю минуту воспогра исчезла Лизина робость — Эрастъ узналъ, что онъ любимъ, любимъ спрасино новымъ, чистымъ, открытымъ сердцемъ.

Они сидѣли на правѣ, и такъ, что между ими оставалось не много места — смотрѣли другъ другу въ глаза — говорили другъ другу: *люби меня!* и два часа показались имъ мигомъ. Наконецъ Лиза вспомнила, что иашь ея можешь обѣ ней беззокоиться.

Надлежало разстаться. Ахъ Эрастъ сказала она: *всегда ли ты будешь любить меня?* „Всегда, милая Лиза, всегда!”, отвечалъ онъ. — И ты можешь мнѣ дать обѣ этому клятву? — „Могу, любезная Лиза, могу!”, — Нѣтъ! мнѣ не надобно клятвы. Я вѣрю тебѣ, Эрастъ, вѣрю. Уже ли ты обманешь бѣдную Лизу? Вѣдь этому не лѣзя быть? — „Не лѣзя, не лѣзя, милая Лиза!”, — Какъ я щастлива! и какъ обрадуется матушка, когда узнаетъ, что ты меня любишь! — „Ахъ нѣтъ, Лиза! ей не надобно ничего сказывать. „Для тего же? — „Спарыя люди бывають подозрительны. Они вообразятъ себѣ что нибудь худое., — Не лѣзя статься. — „Однако же прошу тебя не говоришь ей обѣ этому ни слова. „Хорошо; надобно тебя послушаться, хотя мнѣ не хотѣлось бы нитето таить отъ нее. — — Они проспались, пощѣловались въ послѣдній разъ, и обѣщались всякой день ввечеру видѣвшись, или на берегу рѣки, или въ березовой

вой рощѣ, или гдѣ нибудь близъ Лизиной хижинѣ, только вѣрно, непремѣнно видѣться. Лиза пошла, но глаза ея спо разъ обращались на Эрасту, которой все еще стоялъ на берегу и смотрѣлъ въ слѣдъ за нею.

Лиза возвратилась въ хижину свою совсѣмъ не въ такомъ расположении, въ какомъ изъ нее вышла. На лицѣ и во всѣхъ ея движеніяхъ обнаруживалась сердечная радость. *Онъ меня любитъ!* думала она, и восхищалась сею мыслю. „Ахъ матушка!“, сказала Лиза матери своей, которая лишь только проснулась: „ахъ матушка! какое прекрасное утро! Какъ все весело въ „полѣ! Никогда жаворонки такъ хорошо „не пѣвали; никогда солнце такъ свѣтло „не сияло; никогда цвѣты такъ пріятны „но не пахли. — Старушка, подпираясь клюкою, вышла на лугъ, чтобы насладиться утромъ, которое Лиза такими прелестными красками описывала. Оно въ самомъ дѣлѣ показалось ей опимѣнно пріятнымъ; любезная дочь ея весельемъ своимъ раз-

веселяла для нее всю Нашуру. „Ахъ „Лиза! „ говорила она: „какъ все хо- „рошо у Господа Бога! Шестой деся- „токъ доживаю я на свѣтѣ, а все еще „не могу наглядѣться на дѣла Госпо- „дни; не могу наглядѣться на чистое „небо, похожее на высокой шатеръ, „и на землю, которая всякой годъ „новою правою и новыми цвѣтами „покрываєтся. Надобно, чтобы Царь „небесной очень любилъ человѣка, ко- „гда онъ такъ хорошо убралъ для „него здѣшній свѣтъ. Ахъ Лиза! кто бы „захотѣлъ умереть, еспѣли бы ино- „гда не было намъ горя? . . . Видно „такъ надобно. Можетъ быть, мы „забыли бы душу свою, еспѣли бы „изъ глазъ нашихъ никогда слезы не „капали., А Лиза думала: *ахъ! я ско-
ре забуду душу свою, нежели миаго
моего друга!*

Послѣ сего Эрастъ и Лиза, бо-
льше не сдержать слова своего, всякой
вечеръ видѣлись (тогда, когда Лизи-
на мать ложилась спать) или на бе-
ре-

регу рѣки, или въ березовой рощѣ, но всего чаще подъ тѣнью столѣтнихъ дубовъ (саженяхъ въ осьмидесяти отъ хижины) — дубовъ, осяняющихъ глубокой, чистой прудъ, еще въ древнія времена ископанной. Тамъ часто тихая луна, сквозь зеленые вѣтви, посребряла лучами своими бѣлые Лизины волосы, которыми играли зефиры и рука милаго друга; часто лучи сїи освѣщали въ глазахъ нѣжной Лизы блестящую слезу любви, осушаемую всегда Эрастовымъ подълuemъ. Они обнимались — но цѣломудренная, спыдливая Цинтія не скрывалась отъ нихъ за облако; чисты и непорочны были ихъ объятія.

„Когда ты, говорила Лиза Эрасту,
„когда ты скажешь мнѣ: я люблю
„тебя, другъ мой! когда прижмешь
„меня къ своему сердцу, и взглянешь
„на меня умильными своими глазами:
„ахъ! тогда бываешь мнѣ такъ хо-
„рошо, такъ хорошо, что я себя за-
„бываю, забываю все, — кромѣ Эраспа.
„Чудно! чудно, мой другъ, что я, не
„зная-

„ знаяши тебя , могла жить спокойно и
„ весело ! Теперь мнѣ это не поняш-
„ но ; теперь думаю , что безъ тебя
„ жизнь не жизнь , а грусть и скука.
„ Безъ глазъ твоихъ теменъ свѣтлой
„ мѣсяцъ ; безъ твоего голоса скученъ
„ соловей поющій ; безъ твоего дыха-
„ нія вѣтерокъ мнѣ непріятенъ . , —
Эраспѣ восхищался своей пастушкой
— такъ называлъ онъ Лизу — и ви-
дя , сколь она любитъ его , казался
самъ себѣ любезнѣе . Всѣ блестящія
забавы большаго свѣта представлялись
ему ничтожными въ сравненіи съ тѣ-
ми удовольствіями , копорыми *стра-
стная дружба* невинной души питала
сердце его . Съ отвращеніемъ помы-
шлялъ онъ о презрительномъ сладо-
спраспїи , копорымъ прежде упива-
лись его чувства . „ Я буду жить съ Ли-
зою какъ братъ съ сестрою (ду-
малъ онъ) ; не употреблю во зло
любви ея , и буду всегда щастливъ ! ,
— Безразсудной , молодой человѣкъ !
знаешь ли ты свое сердце ? Всегда ли
можешь отвѣчать за свои движенія ?

Всегда ли разсудокъ есть царь чувствъ
швоихъ?

Лиза требовала, чтобы Эрастъ
часто посѣщалъ масть ея. „Я люблю
ее, говорила она, и хочу ей добра;
а мнѣ кажется, что видѣть тебя
есть великое благополучіе для всяка-
го., — Старушка въ самомъ дѣлѣ
всегда радовалась, когда его видѣла.
Она любила говорить съ нимъ о покой-
номъ мужѣ, и рассказывать ему о дняхъ
своей молодости: о томъ, какъ она въ
первой разъ встрѣтилась съ милымъ сво-
имъ Иваномъ какъ онъ полюбилъ ее, и
въ какой любви, въ какомъ согласіи жилъ
съ нею. „Ахъ! мы никогда не могли
другъ на друга наглядѣться, — до са-
мого того часа, какъ люпая смерть
подкосила ноги его. Онъ умеръ на
рукахъ моихъ!, — Эрастъ слу-
шалъ ее съ неприворнымъ удоволь-
ствіемъ. Онъ покупалъ у нее Лизину
работу, и хотѣлъ всегда платить въ
десять разъ дороже назначаемой ею
цѣны; но старушка никогда не брала
лишняго.

Та-

Такимъ образомъ прошло нѣсколько недѣль. Однажды ввечеру Эрастъ долго ждалъ своей Лизы. Наконецъ пришла она, но такъ не весела, что онъ испугался; глаза ея отъ слезъ покраснѣли. *Лиза, Лиза! что съ тобою сдѣлалось?* — „Ахъ Эрастъ! я плакала!,, — *О гемѣ? что такое?* — „Я должна сказать тебѣ все. За меня сватается женихъ, сынъ богатаго крестьянина изъ соседней деревни; матушка хочетъ, чтобы я за него вышла.,, — *И ты соглашаешься?* — „Жестокой! можешь ли обѣ эпомъ спрашивать? Да мнѣ жаль матушки; она плачетъ, и говоритъ, что я не хочу ея спокойствія; что она будетъ мучиться при смерти, есپли не выдастъ меня при себѣ за мужъ. Ахъ! матушка не знаетъ, что у меня есть такой милой другъ!,, — Эрастъ цѣловалъ Лизу; говорилъ, что ея щастіе дороже ему всего на свѣтѣ; что по смерти матери ея онъ возьметъ съ себѣ, и будетъ жить съ нею неразлучно, въ деревнѣ, и въ дремучихъ

тихъ лѣсахъ какъ въ раю. — „Однакожь тебѣ не лѣзя быть моимъ мужемъ! „, сказала Лиза съ тихимъ вздохомъ. — По тому же? — „Я крестильника., — Ты обижашь меня. Для друга твоего драгоцѣнѣе всего душа, чувствительная, невинная душа — и Лиза будетъ всегда ближайшая къ моему сердцу.

Она бросилась въ его объятія — и въ сей часъ надлежало погибнуть непорочности! — Эрастъ чувствовалъ необыкновенное волненіе въ крови своей — никогда Лиза не казалась ему споль прелестною — никогда ласки ея не прогали его такъ сильно — никогда ея поцѣлуи не были споль пламенны — она ничего не знала, ничего не подозрѣвала, ничего не боялась — мракъ вечера пышалъ желанія — ни одной звѣздочки не сіяло на небѣ — никакой лучъ не могъ освѣтить заблужденія — Эрастъ чувствуетъ въ себѣ препетъ — Лиза также, не зная, отъ чего — не зная, что съ нею дѣлается . . . Ахъ Лиза, Лиза! гдѣ мать твоя

твоя? Гдѣ Ангелъ хранишель твой?
Гдѣ — твоя невинность?

Заблужденіе прошло въ одну минуту. Лиза не понимала чувствъ своихъ, удивлялась и спрашивала. Эрастъ молчалъ — искалъ словъ, и не находилъ ихъ. „Ахъ! я боюсь (говорила Лиза), боюсь того, что случилось съ нами! Мнѣ казалось, что я умираю; что душа моя . . . Нѣтъ, я не умѣю сказать этого! . . Ты молчишь, Эрастъ? вздыхаешь? . . Боже мой! что такоѣ?,, — Между тѣмъ блеснула молния и грянулъ громъ. Лиза вся задрожала. Эрастъ, Эрастъ! сказала она: мнѣ страшно! Я боюсь, чтобы громъ не убилъ меня, какъ преступницу! Грозно шумѣла буря; дождь лился изъ черныхъ облаковъ — казалось, что Нашура сѣповала о потерянной Лизиной невинности. — Эрастъ спарался успокоить Лизу, и проводилъ ее до хижины. Слезы лились изъ глазъ ея, когда она прощалась съ нимъ. Ахъ Эрастъ! уверь меня, что мы будемъ по прежнему *частливы!* — „, Будемъ, Лиза, будемъ

демъ!,, отвѣчалъ онъ. — *Дай Богъ!*
Мнѣ не льзя не вѣрить словамъ твоимъ:
вѣдь я люблю тебя! только вѣ серд-
цѣ моемъ . . . Но полно! Прости!
Завтра, завтра увидимся.

Свиданія ихъ продолжались; но какъ все перемѣнилось! Эраспъ не могъ уже доволенъ бытъ одиѣми невинными ласками своей Лизы — одними ся любви исполненными взорами — однимъ прикосновеніемъ руки, однимъ подѣлуемъ, одними чистыми обѣяшіями. Онъ желалъ больше, больше, и наконецъ ничего желать не могъ — а кто знаетъ сердце свое; кто размышлялъ о нравственной настурѣ человѣка, тотъ согласится со мною, что безъ желаній нѣтъ для насъ удовольствія. Лиза не была уже для Эраспа симъ Ангеломъ непорочности, которой прежде воспалялъ его воображеніе и восхищалъ душу его. Плашоническая любовь уступила мѣсто такимъ чувствамъ, которыми онъ не могъ гордиться, и которыхъ были для него уже не новы. Что принадле-

житъ до Лизы, что она, совершенно
ему отдавшись, имъ только и дышала,
во всемъ какъ агнецъ повинова-
лась его волѣ, и въ удовольствіи его
полагала свое щастіе. Она видѣла въ
немъ перемѣну, и часто говорила ему:
*Прежде бывалъ ты веселѣ! прежде
бывали мы покойнѣе и щастливѣ!
и прежде я не такъ боялась потерять
любовь твою!* — Иногда, прощаясь
съ нею, онъ говорилъ ей: *Завтра,
Лиза, не могу я съ тобою видѣться;
мнѣ встрѣтилось важное дѣло* — и
всякой разъ при сихъ словахъ Лиза
здыхала.

Наконецъ пять дней сряду она
не видала его, и была въ величайшемъ
безпокойствѣ; въ шестой пришелъ онъ
съ печальнымъ лицемъ и сказалъ ей:
*„Любезная Лиза! мнѣ должно на нѣ-
сколько времени съ тобою проспить-
ся. Ты знаешь, что у насъ война;
я въ службѣ; полкъ мой идетъ въ по-
ходъ.“* — Лиза поблѣднѣла, и едва
не упала въ обморокъ.

Эрастъ ласкалъ ее ; говорилъ ,
что онъ всегда будеъ любить ми-
лую Лизу , и надѣется по возвраще-
ніи своемъ никогда съ нею не разспа-
вашся . Долго она молчала ; по томъ
залилась горькими слезами , схватила
руку его , и взглянувъ на него со всею
нѣжностю любви , спросила : *тебѣ не
льзя остаться ?* „ Могу , отвѣталъ
онъ , но только съ величайшимъ без-
славіемъ , съ величайшимъ пятномъ
для моей чести . Всъ будутъ прези-
ратъ меня ; всъ будутъ гнушаться
меною , какъ прусомъ , какъ недостой-
нымъ сыномъ отчесства . „ *Ахъ !* когда
такъ , сказала Лиза , то поѣзжай , поѣз-
жай , куда Богъ велитъ ! Но тебя мо-
гутъ убить . — „ Смерть за отче-
ство не страшна , любезная Лиза . „
— Я умру , какъ скоро тебя не бу-
детъ на свѣтѣ . — „ Но за чѣмъ это
думать ? Я надѣюсь оспасться живѣ ,
надѣюсь возвратиться къ тебѣ , мо-
ему другу . „ — *Дай Богъ ! дай*
Богъ ! Всякой день , всякой часъ
буду о томъ молиться . *Ахъ !* для

сего я не умѣю ни читать, ни писать! Ты бы уведомлялъ меня обо всемъ, что съ тобою случится; а я писала бы къ тебѣ — о слезахъ своихъ! — „Нѣшъ, береги себя, Лиза; береги для друга пвоего. Я не хочу, чтобы ты безъ меня плакала., — Жестокой геловѣкѣ! ты думаешь лишь меня и этой отрады! Нѣшъ! разставшись съ тобою, развѣ тогда перестану плакать, когда высохнетъ сердце мое. — „Думай о той пріятной минутѣ, въ которую мы опять увидимся., — Буду, буду думать обѣней! Ахъ естыли бы она пришла поскорѣе! Любезной, милой Эрастѣ! помни, помни свою бѣдную Лизу, которая любитъ тебя болѣе, нежели самое себя!

Но я не могу описать всего, что они при семъ случаѣ говорили. На другой день надлежало быть послѣднему свиданію.

Эрастъ хотѣлъ проспиться и съ Лизиною матерью, которая не могла отъ слезъ удержаться, слыша, чѣмъ ласковой, пригожий баринъ ея долженъ

женъ ъхать на войну. Онъ принудилъ ее взять у него нѣсколько денегъ, сказавъ: „Я не хочу, чтобы Лиза въ мое опустившее продавала работу свою, которая, по уговору, принадлежитъ мнѣ. „ — Спарушка осыпала его благословеніями. „Дай Господи, говорила она, чтобы ты къ намъ благополучно возвратился, и чтобы я тебя еще разъ увидала въ здѣшней жизни! А во съ либо моя Лиза къ тому времени найдетъ себѣ жениха по мыслямъ. Какъ бы я благодарила Бога, еспѣлибы ты прѣхалъ къ нашей свадьбѣ! Когда же у Лизы будущъ дѣши, знай баринъ, что ты долженъ крестить ихъ! Ахъ! мнѣ бы очень хотѣлось дожить до эпова! „ — Лиза спояла подлѣ машери, и не смѣла взглянуть на нее. Читатель легко можетъ вообразить себѣ, что она чувствовала въ сю инушу.

Но что же чувствовала она тогда, когда Эрастъ, обнявъ ее въ послѣдній разъ, въ послѣдній разъ при-

жавъ ес къ своему сердцу, сказаъ:
прости, Лиза? . . . Какая прогащельная
картина! Утренняя заря, какъ алое мо-
ре, разливалась по восточному небу.
Эраспъ споялъ подъ вѣтвями высо-
каго дуба, держа въ объятіяхъ своихъ
блѣдную, помную, гореспную подру-
ту, которая, прощаясь съ нимъ, про-
щалась съ душою своею. Вся Нашура
пребывала въ молчаніи.

Лиза рыдала — Эраспъ плакалъ
— оставилъ се — она упала — спа-
ла на колѣни, подняла руки къ небу
и смотрѣла на Эраспа, которой уда-
лялся — далѣе — далѣе — и на-
конецъ скрылся — возсіяло солнце,
и Лиза, оставленная, бѣдная, лиши-
лась чувствъ и памяти.

Она пришла въ себя — и свѣтъ
показался ей унылъ и печаленъ. Всѣ
пріятности Нашуры сокрылись для
нее вмѣстѣ съ любезнымъ ея сердцу.
„Ахъ! (думала она) для чего я оста-
лась въ этой пустынѣ? Что удержи-
ваетъ меня лешить въ слѣдъ за ми-
гымъ Эраспомъ? Война не страшна

для меня ; спрашно шамъ , гдѣ нѣтъ моего друга . Съ нимъ жить , съ нимъ умереть хочу , или смертию своею спасши его драгоцѣнную жизнь . Постой , постой , любезной ! я лечу къ тебѣ !,, — Уже хотѣла она бѣжать за Эрастомъ ; но мысль : у меня есть мать ! остановила ее . Лиза вздохнула , и приклонивъ голову ко груди , тихими шагами пошла къ своей жизни . — Съ сего часа дни ея были днями плоски и гореспи , гореспи , кото рую надлежало скрывать отъ нѣжной машери : тѣмъ болѣе страдало сердце ея ! Тогда только облегчалось оно , когда Лиза , уединясь въ густопу лѣса , могла свободно проливать слезы и стенать о разлукѣ съ милымъ . Часпо печальная горлица соединяла жалобной голосъ свой съ ея стенаніемъ . Но иногда — хотя весьма рѣдко — злапой лучъ надежды , лучъ упышенія , освѣщалъ мракъ ея скорби . Когда онъ возвратится ко мнѣ , какъ же буду щастлива ! какъ все перемѣнит ся ! отъ сей мысли прояснялся взоръ

ея, розы на щекахъ ея освѣжались, и Лиза улыбалась, какъ Майское утро послѣ бурной ночи. — Такимъ образомъ прошло около двухъ мѣсяцовъ.

Въ одинъ день Лиза должна была ити въ Москву, за пѣмъ, чтобы купить розовой воды, которою мѣшалася лѣчила глаза свои. На одной изъ большихъ улицъ встрѣтилась ей великолѣпная карета, и въ сей каретѣ увидѣла она — Эрастъ. *Ахъ!* закричала Лиза, и бросилась къ нему; но карета проѣхала мимо и поворотила на дворъ. Эрастъ вышелъ, и хотѣлъ уже ити на крыльце огромнаго дома, какъ вдругъ почувствовалъ себя — въ Лизиныхъ объятіяхъ. Онъ поблѣднѣлъ — пошомъ, не отвѣчая ни слова на ея воскликанія, взялъ ее за руку, привелъ въ свой кабинетъ, заперъ дверь, и сказалъ ей: *Лиза! обстоятельства перемѣнились; я помолвилъ жениться; ты должна оставить меня въ покой, и для собственнаго своего спокойствія забыть меня. Я любилъ тебя, и теперь люб-*

лю, то есть желаю тебѣ всячаго добра. Вотъ сто рублей — возьми ихъ (онъ положилъ ей деньги въ карманъ) — позволь мнѣ поцѣловатъ тебя въ послѣдній разъ — и поди до иной. — Прежде нежели Лиза могла опомниться, онъ вывелъ ее изъ кабинета, и сказалъ слугѣ: проводи эту девушку со двора.

Сердце мое обливается кровью въ сїю минушу. Я забываю человѣка въ Эрастѣ — готовъ проклинаТЬ его — но языкъ мой не движется — смотрю на небо, и слеза капится по лицу моему. Ахъ! для чего пишу я не романъ, а печальную быль!

И такъ Эрастѣ обманулъ Лизу, сказавъ ей, что онъ ѻдетъ въ армію? — Нѣтъ, онъ въ самомъ дѣлѣ былъ въ арміи; но вместо того, чтобы сражаться съ непріятелемъ, игралъ въ карты и проигралъ почти все свое имѣніе. Скоро заключили миръ, и Эрастѣ возвратился въ Москву оштаг-

ченный долгами. Ему оставался одинъ способъ поправить свои обстоятельства — женившись на пожилой богатой вдовѣ, которая давно была влюблена въ него. Онъ рѣшился на то, и перѣхалъ жить къ ней въ домъ, посвятивъ вздохъ Лизѣ своей. Но все сїе можетъ ли оправдать его?

Лиза очутилась на улицѣ, и въ такомъ положенїи, котораго никакое перо описать не можетъ. Онѣ, онѣ
выгнали меня? Онѣ любятъ другую?
я погибла! вспѣя мысли, ея чувствъ! Жестокой обморокъ перервалъ ихъ на время. Одна добрая женщина, которая шла по улицѣ, остановилась надъ Лизою, лежавшею на землѣ, и спаралась привеспи ее въ память. Она открыла глаза — вспала съ помощью сей доброй женщины, — благодарила ее, и пошла, сама не зная, куда., „Мнѣ не лѣзть жить, (думала Лиза) не лѣзть! . . О естѣли бы упало на меня небо! Естѣли бы земля поглотила несчастную! . . Нѣтъ!
жѣбо не падаешь; земля не колеб-
леш-

лется! Горе мнѣ!,, — Она вышла изъ города, и вдругъ увидѣла себя на берегу глубокаго пруда, подъ тѣнию тѣхъ древнихъ дубовъ, которые за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ были безмолвными свидѣщелями ея воспоминаній. Сіе воспоминаніе пошръяло ея душу; спрашнѣйшее сердечное мученіе изобразилось на лицѣ ея. Но чрезъ нѣсколько минутъ погрузилась она въ нѣкоторую задумчивость — по томъ осмотрѣлась вокругъ себя, увидѣла дочь своего сосѣда, (пяниадашнѣйшнюю девушкую) идущую по дорогѣ — кликнула ее, вынула изъ кармана десять имперіаловъ, и, подавая ей, сказала: „Любезная Анюта, любезная „подружка! отнеси эти деньги къ матушкѣ — онѣ не краденыя — скажи ей, „что Лиза пропивъ нее виновата; „что я таила отъ нее любовь свою „къ одному жестокому человѣку, — „къ Э. . . Но на что знать его имя? „— Скажи, что онѣ измѣнилъ мнѣ — „попроси, чтобы она меня проши-

„ла — Богъ будемъ ея помощникомъ
„— подѣлуй у нее руку, такъ какъ
„я теперь твою дѣлую — скажи,
„что бѣдная Лиза велѣла подѣловать
„ее — скажи, что я,, . . . Тутъ
она бросилась въ воду. Анююта за-
кричала, заплакала, но не могла спа-
сти ее; побѣжала въ деревню — со-
брались люди, и вытащили Лизу; но
она была уже мертвая.

Такимъ образомъ скончала жизнь
свою прекрасная душей и тѣломъ. Ко-
гда мы тамъ, въ новой жизни увидим-
ся, я узнаю тебѧ, нѣжная Лиза!

Ее погребли близъ пруда подъ
мрачнымъ дубомъ, и поставили дере-
вянной крестъ на могилѣ ея. Тутъ
часто сижу я въ задумчивости, опер-
шись на вмѣстлище Лизина праха;
въ глазахъ моихъ спрунился прудъ;
надо мною шумятъ листья.

Лизина мать услышала о спраш-
ной смерти дочери своей, и кровь ея
отъ ужаса охладѣла — глаза на вѣкъ

закрылись. — Хижина опустѣла. Въ ней воепѣ вѣшерѣ, и суевѣрные поселяне, слыша по ночамъ сей шумъ, говорятъ: тамъ стонетъ мертвѣцъ; тамъ стонетъ бѣдная Лиза!

Эрастъ былъ до конца жизни своей нещастливъ. Узнавъ о судьбѣ Лизиной, онъ не могъ ушѣшишься, и почиталъ себѧ ся убийцю. Я познакомился съ нимъ за годъ до его смерти. Онъ самъ рассказалъ мнѣ сю исторію и привелъ меня къ Лизиной могилѣ. — Теперь, можешь бышь, они уже примирились!

VI.

VII.

НѢЧТО О МИѳОЛОГИИ.

(Переводъ изъ Морицовой *Götterlehre*.)

Миѳологическіе вымыслы должно починить языкомъ *Фантазіи*: въ семъ смыслѣ составляютъ они, такъ сказать, особливой міръ, и не имѣющъ никакой связи съ существенностью.

Фан-

Фаназія царствуетъ въ своей области, и не подчинена никакимъ законамъ. Существо ея состоить въ твореніи и въ образованіи; она отвращается отъ всѣхъ отвлеченныхъ и метафизическихъ понятій, которые могли бы разрушить ея образованіе.

Всего страшнѣе для нее понятіе метафизической безконечности и неограниченности; ибо ея нѣжныя творенія исчезли бы въ оныхъ, какъ въ мрачной пустынѣ.

Она удаляется отъ идеи безначального; у нее все происходитъ, все родится, даже до самой древнейшей исторіи боговъ.

Ни одно изъ высочайшихъ существъ Фаназіи не есть вѣчно; ни одно не имѣетъ совершенно неограниченной власти. Страшно для нее и понятіе вездѣсущности, которое могло бы помѣшать жизни и движенью въ ея мірѣ.

Напротивъ того она всячески старается относить свои образованія къ мѣщу и времени, и любитъ въ легкомъ пареніи своеемъ прикасаться къ существенности; но какъ близость и ясность существеннаго могли бы вредить ея мерцающему, свѣщу, то она охопнѣе всего обращается на испортю древности, гдѣ время и мѣсто не такъ извѣстны, и гдѣ она съ большою свободою дѣйствовать можетъ: Юпитеръ, отецъ боговъ и человѣковъ, воспипывающійся на островъ Крепъ молокомъ козьимъ, и Нимфы лѣсныя ходатѣй за нимъ.

Отъ того, что въ Миѳологии скрываются тайные слѣды къ древнѣйшей, неизвѣстной исторіи, дѣлается она почтеннѣе. Ея вымыслы не суть пустая мечта или одна игра остроумія, которая исчезаетъ въ воздухѣ. Они тѣсно связаны съ древнѣйшими приключеніями, и для того не могутъ быть почищаемы одною аллегоріею.

Превращашь древнюю испорю богоў въ разныя аллегоріи такъ же смѣшно, какъ доказывать, посредствомъ всякихъ принужденныхъ изъясненій, что сї вымыслы суть совершенно справедлива испоря.

Рука, которая совсѣмъ хочетъ снять покровъ съ миѳологическихъ вымысловъ, повреждаетъ черезъ то нѣжное сплешеніе Фантазіи, и вмѣсто часмыхъ открышій находитъ однѣ прошиворѣчія и нелѣпости.

Въ разсужденіи сихъ прекрасныхъ твореній должно сперва забыть всѣ шолкованія, и смотрѣть на цѣлое, чтобы мало по малу открывать дальнѣйшія связи и отношенія въ разныхъ опрывкахъ, до насъ дошедшихъ.

Когда на примѣръ говорятъ, что Юпитеръ означаетъ *вышній воздухъ*, то симъ ни мало не изъясняется все вымышленное Фантазію о Юпитерѣ; сї же вымыслы составляютъ сами по себѣ нѣкоторое цѣлое, безъ всякихъ отношеній къ другому или внѣшнему.

Юпи-

Юпитеръ въ области Фантазіи означаетъ сперва самого себя, такъ какъ Цесарь въ порядкѣ дѣйствительныхъ вещей означаетъ сперва самого Цесаря. Ибо кто можетъ, смотря на Юпитерову статую, образованную Фидіасомъ, думашь сперва о *сынѣ мѣдного воздуха*, которой будто бы чрезъ Юпитера изображался; кто можетъ высочайшее произведеніе искусства разсматривать какъ гіероглифъ, или мерную букву, которая всю свою дѣну имѣеть отъ того, что ею означается: тошь конечно не рожденъ чувствовать изящнаго, и мерть для всѣхъ красотъ.

Всякое истинное твореніе искусства, всякой изящный вымыслъ есть самъ по себѣ нѣчто совершенное, собственно для себя существующее, и прекрасное отъ гармонического расположенія частей своихъ; напропавшого гіероглифы или буквы должны только сообщать идею того, что ими означается; впрочемъ они могутъ быть для глазъ весьма безобразны.

Тотъ конечно не чувствовалъ кра-
сотъ Гомеровыхъ, кто, прочитавъ
его, можетъ спросить: что значитъ
Илїада? что значитъ Одиссея?

Прекрасная Поэма изображаетъ
въ большомъ или маломъ простран-
ствѣ своеемъ отношенія вещей, жизнь
и судьбу человѣковъ, и, по словамъ
Горадія, учитъ мудрости лучше
Крантора и Хризиппа; но все сіе
подчинено пітическимъ красотамъ и
же есть главная цѣль Поэзіи: ибо отъ
того она и лучше всего учитъ, что
ученіе не есть мѣта ея, и что оно,
будучи подчинено изящному, дѣлаетъ
ся прелестно и привлекательно.

Но въ миѳологическихъ вымыслахъ
совсѣмъ не должно искать ученія, или
все ихъ сплетење покажется намъ
противнымъ; ибо въ сихъ пітиче-
скихъ изображеніяхъ высочайшихъ су-
ществъ человѣкъ и нравственные по-
требности его суть нечто совсѣмъ
постороннее.

Онъ часто бываетъ игралищемъ
высочайшихъ Силъ, не подверженныхъ

ни-

никакому отчепу, возвышающихъ и низвергающихъ его по своей волѣ, и наказывающихъ болѣе за оскорблѣніе собственнаго своего величества, нежели за пороки и тѣ преступленія, отъ которыхъ терпимъ человѣчество.

Сіи существа совсѣмъ не суть моральныя. Главная идея въ оныхъ есть *могущество*, и сей идея подчинено все прочее; вѣчная сила юности обнаруживается у нихъ во всей роскошной полнотѣ своей.

Всякое изъ сихъ существъ, рожденныхъ Фантазію, въ нѣкоторомъ смыслѣ изображаетъ всю Природу со всѣмъ ея богатствомъ и пышнымъ изобиліемъ: по тому самому оныя выше всѣхъ понятій нравственности — ибо не льзя сказать обо всей Природѣ, чтобы она была безпорядочна; не льзя назвать порокомъ ни ярості львины, ни хищности орла, ни змѣинаго яду.

Но какъ Фантазія удаляется отъ всѣхъ общихъ понятій, и спараст-

ся всячески дѣлать свои образованія
особенными или личными: то поня-
щіе высочайшей власти относитъ она-
къ вымышленнымъ существамъ, име-
нуетъ ихъ, даетъ имъ родителей и
человѣческой образъ.

Она всячески старается вклю-
чить существа свои въ царство дѣ-
ствительного. Боги женятся на доче-
ряхъ человѣческихъ; отъ нихъ ро-
дятся Герои, которые доспигаютъ
безсмертія чрезъ смилья дѣла свои.

Здѣсь сближается область вообра-
женія и существенности; и здѣсь то
должно почтать Миѳологію однимъ
языкомъ Фантазіи, не думая объ
историческихъ толкованіяхъ.

Ибо сїе смѣшеніе испиннаго съ
вымысломъ въ древнѣйшей Исторіи
есть для глазъ нашихъ мерцающій го-
ризонъ. Еспѣли хопимъ мы, чпо-
бы въ семъ отдаленіи когда нибудь
возсїяла намъ новая заря, то дол-
жно разбирать прилежно и пшательно
всѣ миѳологическіе вымыслы, чтобы
най-

найти нить ихъ сплетеній и преданій. Въ семъ видѣ представлять древнѣйшія народныя сказки, до насъ дошедшия, еспѣ дѣло всеобщей Миѳологии.

VIII.

СОЛОМОНЪ ГЕСНЕРЪ (*).

Онъ родился въ Цирихѣ въ 1730, году. Учителъ его былъ весьма грубой человѣкѣ, не могъ терпѣть Поэзіи, и жестокимъ образомъ наказывалъ бѣднаго Геснера, когда заспавалъ его читающаго какое нибудь спихованеніе. Великой Духъ скорѣе не будешь ничего дѣлать, нежели согласится дѣйствовашъ противъ своей склонности: отъ сего происходитъ оная наружная лѣность и беспечность. Но когда щастливой случай воспламенишъ его воображеніе и откроетъ ему путь славы, тогда пробудится онъ отъ смертнаго сна къ дѣятельной жизни, „Вы

(*) Meisters Characteristik.

„ знаете , пишетъ Геснеръ къ Фисли ,
„ что меня никогда не хотѣли сдѣ-
„ лать художникомъ ; по чѣму въ моло-
„ дости моей оставался я безъ вся-
„ каго руководства , маралъ бумагу , но
„ безъ всякаго знанія , безъ правилъ , безъ
„ цѣли . Отъ сего естественнымъ об-
„ разомъ склонность моя уменьшилась ,
„ и въ теченіе лучшихъ лѣтъ моихъ я
„ за кисть не принимался . Между тѣмъ
„ красопы Натуры и хорошія подра-
„ жанія оной дѣлали во мнѣ сильное
„ впечатлѣніе ; но въ разсужденіи искус-
„ ства было въ душѣ моей одно шемно :
„ чувство , ни съ какимъ знаніемъ не
„ соединенное — и потому спарался я
„ выражать ощущенія свои другимъ спо-
„ собомъ , — способомъ , которой
„ требуетъ менѣе механическаго упра-
„ жненія , но такихъ же дарованій ,
„ такого же нѣжнаго чувства , та-
„ кого же пріятельства наблю-
„ денія Натуры . — Въ сїе время
Галлеръ и Бодмеръ , Клейспъ и Клон-
штокъ были щастливымъ примѣромъ
для юныхъ Пoэтовъ Германіи . Проспо-

та Швейцарскихъ нравовъ и великолѣп-
ный видъ Нашуры вокругъ Цириха ,
прогаля чу́встви́тельную Геснерову ду-
шу, возбуждали его къ пѣснѣпѣнію , и
Муза его открыла себѣ новый , цвѣтами
украшенный путь въ поляхъ вдохно-
венія . Мы удивляемся Клейсту , ко-
торой живою кистю изображалъ намъ
безжизненную Нашуру ; но великой
духъ Геснеровъ одушевилъ цвѣту-
щие луга , и всю Аркадію насешилъ
любезнѣйшими существами . Какая тон-
кость , какая живость въ малѣйшихъ
оттѣнкахъ картины его ! Природа улы-
бается подъ его живительной кистью ,
подобно какъ въ лучахъ утренней за-
ри . И такъ чудно ли , что его сель-
ская Муза , переселяющая насъ изъ
желѣзного вѣка въ златой вѣкъ *При-
роды* , невинности и любви — чу-
дно ли , что сїя Муза полюбилась
всякой нѣжной душѣ , не только
въ Германіи , но и во всѣхъ про-
свѣщеныхъ земляхъ Европы ? Читая
Геснеровы Идиалии — вникая въ кра-
соты еыихъ , въ прекрасные характере-

ры и прогащельнейшія сцены — не находя ничего лишняго, и видя, какъ одна черпа украшаетъ другую, мы конечно признаемся, что хотя онъ и заимствовалъ нечто отъ Мосхоса и Біона, Теокриша и Марона, однакожъ по справедливости можетъ быть названъ оригинальнымъ Авторомъ, какъ въ разсужденіи мыслей, такъ и въ разсужденіи языка своего, доспойнаго Градій. — Геснеръ никогда не унижается до земли, но никогда и выше облаковъ не воспаряетъ. Муза его подобна Горадіевой любовницѣ — чиста душею, чиста одеждой своеї. И непорочная жрица Весны не постыдилась бы играшь съ Геснеровыми Эросами. Иногда изъ-за кусочка выглядывающъ у него смѣшные Фауны; но такіе добрые, что самая щѣломудренная красавица не боится ихъ, и сидя спокойно на муравѣ, шупитъ надъ ихъ странною фигурою. Когда же птическое воображеніе — на прим. въ *ночной сценѣ*, въ *первомъ мореплавателѣ*, въ *Идилляхъ* — бештъ

реть больше воли, подобно воображению ла-Фонпена, или Сперна: тогда мудрый Поэтъ удерживаетъ оное своею скромностию.

Говоряшъ, что такъ называемая пастушеская Поэзія, такъ какъ и самая жизнь пастуховъ, весьма ограничена и единообразна; но творческой Геснеровъ духъ распространилъ ся предѣлы и нашелъ въ ней много нового и разнообразнаго. Дафнисъ есть пастушеской романъ, которой въ тонкости и проспомъ характеровъ не уступаетъ Лонгосову (*), а въ различности сценъ превосходитъ его. Эраспъ и Эвандеръ суть пастушескія прогаительныя Драмы, въ которыхъ свѣтъ и Напуръ весьма живо представлены. Въ первомъ моремладателѣ философія соединяется съ жаркимъ чувствомъ и съ блестящимъ волшебствомъ. Сія піеса подала мысль къ сочиненію одной изъ лучшихъ Фран-

у 5

цуз-

(*) Древній Греческій Авторъ, сочинитель романа: любовь Дафниса и Хлои.

цузскихъ Оперъ. — Самыя страшныя сцены описываетъ Геснеръ такъ, что онъ возбуждають не ужасъ, а тихую горесть — на примѣръ въ картинѣ *потопа и смерти Желевої*. Сіе послѣднее твореніе есть *Эпопея*, въ которой читатель находитъ и пасущескую проповѣдь и священную важность. Сколь же различны, новы и пріятны явленія и характеры въ его *Идилляхъ*!

Былъ ли въ Германіи хотя одинъ испинной Поэтъ, которому бы самоизванные не подражали? Но Геснеру не многое подражать осмѣлились. Онъ переведенъ почти на всѣ Европейскіе языки, и стихами и прозою, хотя никакой переводъ не сравнился съ оригиналомъ. Лестно было для Автора, что Рамлеръ Идиллии его перекладывалъ въ стихи; но Геснерова проза въ разсужденіи гармоніи не уступаетъ никакимъ стихамъ, и для сочиненій такого рода еще приличнѣе.

Сей Поэтъ, которой во всякой сценѣ Натуры столь живо чувствовалъ

валъ изящное, выражалъ чувства свои не однимъ образомъ — кисть его столь же краснорѣсива, сколь перо его живописно. На тридцатомъ году отъ рожденія снова принялъ онъ за рисованье, и преимущественно полюбилъ ландшафты; сперва хотелъ писать все съ Натуръ, но скоро увидѣлъ ошибку свою; взялъ себѣ за образецъ славныхъ художниковъ въ семъ родѣ; узналъ отъ нихъ, въ чемъ состоящъ пайна искусства, — снова обратился къ Природѣ, и сдѣлался величайшимъ живописцемъ. „Всякому художнику (шишь Геснеръ къ одному изъ своихъ пріятелей) всякому художнику, совѣтую читать испорюю искусства, живописцевъ и ваятелей, испорюю, которая всегда обновляла мое мужество, когда я сражался съ трудностями. Онъ долженъ также читать лучшія сочиненія Поэтовъ; воображеніе его, черезъ то обогащится, и проч. — Но когда дѣло шло о Поэзіи, то Геснеръ всякому молодому Сочинителю совѣтовалъ заниматься живописью,

музыкою и всякимъ изящнымъ искусствомъ, говоря, чшо онъ могутъ быть для него весьма полезны. Не безъ причины въ Греческой Миѳологии всѣ Музы соединены были союзомъ родства и дружбы. Матерія и орудія могутъ быть различны, но изящное всегда одинаково — всегда есть оно ничто иное, какъ гармонія въ разнообразїи, какъ единство во многихъ частяхъ. Геснеръ вездѣ чувствовалъ оное — въ концертѣ и въ картинахъ, въ саду и во всякомъ зданіи. Для человека, имѣющаго такої вкусъ, Наштура есть неиспощимый источникъ чистѣйшаго удовольствія: кто же будеТЬ добръ, естъли не такої человѣкъ? Геснеръ былъ любезенъ во всякомъ моральномъ отношеніи; друзья, супруга, дѣти любили его страшно. Говорятъ, что богъ Гименей многихъ виршувовъ оплекъ отъ Музъ; но сего не льзя сказать о нашемъ Поэзѣ. Въ пещѣ своей нашелъ онъ друга, которой любилъ искусства; у него было сопро- бра-

браніе прекрасныхъ картикъ и рисунковъ, пробудившихъ въ Геснерѣ охоту къ живописи. Супруга его починалась красавицею своего времени ; по ея вдохновенію сочинялъ онъ лучшія свои пїесы ; она была справедливѣйшимъ критикомъ, нѣжнѣйшимъ другомъ, попечительною хозяйкою. Въ разсужденіи дѣпей своихъ Теснеръ былъ столько же щастливъ. Въ большомъ сынѣ своемъ воспиталъ онъ художника, которою со временемъ прославимся, можетъ быть, не менѣе отца. Въ объятіяхъ семейства своего не зналъ онъ ни печали, ни беспокойства, и подобно Сципіону и Лелію, подобно Расину, игрывалъ съ дѣтьми какъ младенецъ. О вы, которые всегда хопите казаться великими и важными ! знайте, что сїе не рѣдко показываетъ малость души вашей !

Геснеръ, которою за философскимъ обѣдомъ и въ дружескомъ обществоѣ бывалъ всегда живъ и разговорчивъ, погружался въ самого себя и

мол-

молчалъ, когда невѣжды окружали его.

Онъ былъ уваженъ и почтенъ въ своемъ опечествѣ. Иностранны почищали за щастіе видѣть его ; но онъ не гордился.

Сей рѣдкой человѣкъ и Писатель — къ горести всѣхъ добрыхъ — скончалъ дни свои въ 1788 году.

IX.

СЦЕНЫ ИЗЪ САКОНТАЛЫ.

(*Пугѣ передѣ хижиною. Анузулъ и Пріямвада рвутъ цветы.*)

Анузулъ. Ахъ Пріямвада ! хотя милая подруга наша по волѣ Гандгар-вовъ (*) назначена въ супруги такому смертному , которой по сану и разуму своему совершенно достоинъ руки ея , однакожь нѣжное сердце мое беспокоится — сомнѣніе мучитъ меня .

Прі-

(*) Добрые Духи.

Пріялада. Какое сомнѣніе, любезная подруга?

Анузуя. Нынѣ поутру старцы наши, совершивъ свое жертвоприношеніе, отпустили доброго Государя съ благодарностю. Онъ пошелъ въ споличный городъ свой, Гастинапур. Тамъ, въ великолѣпныхъ черпогахъ, будучи окруженъ многими прекрасными женщинами, не забудешъ ли Душманша любезной невѣсты своей?

Пріялада. Не стыдно ли шебѣть беспокоиться? Такой прекрасной, такой милой человѣкъ не можетъ сдѣлать безчестного дѣла. У меня есть другое сомнѣніе. Когда отецъ нашъ Камна возвратится и узнаетъ, что случилось въ его отсутствіе . . .

Анузуя. То онъ вѣрно обрадуется, и отъ всего сердца одобритъ сей бракъ.

Пріялада. По чьему же ты такъ думаешь?

Анузуя. По тому что онъ не можетъ желать лучшаго супруга для своей Саконшалы. Сердце его ничего

такъ

такъ не хотѣло, какъ соединить ее съ доспойнымъ человѣкомъ. Теперь Небо исполнило сїе желаніе: и такъ онъ долженъ быть доволенъ.

Пріямвада. Разсужденіе твое справедливо; между тѣмъ — (смотря на корзинку свою) мы уже сполько наразали цветовъ, что можемъ усѣять ими весь олтарь.

Анузул. Нарвемъ еще побольше, чтобы украсить храмы богинь, которыхъ должна благодарить Саконтала за свое щастіе. (Объ речѣ цветы.)

За сценою. Кто тушъ? — кто тушъ?

Анузул (слушаетъ.) Я слышу, кажется, голосъ странника, пришедшаго къ намъ въ гости.

Пріямвада. Пойдемъ туда. Саконтала наслаждается сномъ; и хотя она всегда взоромъ своимъ веселила насъ, однако же умъ ея нынѣ въ разсѣяніи. Мысль подруги нашей спрѣмившаяся въ слѣдъ за милымъ Дашманою.

Анузул

Анузуя. Пойдемъ, любезная подруга!

Опять за сценою. Какъ? ты не смотришь на госпя? ты презираешь меня? И такъ слушай мою клятву: „Тотъ, о которомъ ты думаешь, котормъ единственno занимается сердце твое, тотъ забудетъ тебя, когда ты увидишь его, подобно какъ трезвый забываетъ слова свои, сказанныя во мракѣ упоенія — забудетъ, по тому что ты забываешь священныя должности господримства!“

Пріямвада. Горе мнѣ! Какое ужасное приключение! Милая подруга наша въ разсѣяніи своемъ оскорбила какого нибудь святаго мужа, которой ожидалъ отъ нее почтенія.

Анузуя. Вѣрно такъ. (Смотритъ.) Ахъ! раздраженный Дурвазасъ (*) скрыми шагами удаляется отъ нашей хижины!

Состъ. VI.

Ф

Пріям-

(*) Индійской святой.

Прілмада. Кто другой имѣеть
власть сокрушать все то, что хотя
мало оскорбляетъ его? Поди, Анузул,
провергнись передъ нимъ на землю, и
еспѣли можно, уговори его возвра-
тишься.

Анузул. Иду, иду! (Уходитъ.)

Прілмада (поскользнувшись, па-
даетъ.) Ахъ! я слишкомъ торопилась;
отъ того уронила корзинку. Мнѣ бы
не надлежало оспавлять святаго дѣла
своего. — (Снова рветъ цвѣты.)

Анузул (возвращается.) Безпре-
дѣленъ гнѣвъ его, любезная подруга!
Теперь ничѣмъ не возможно его уми-
лоспивить. Однакожъ наконецъ онъ
не много смягчился.

Прілмада. Въ чёмъ? Скажи,
скажи поскорѣе, какъ удалось тебѣ хо-
тия не много смягчить его?

Анузул. Когда онъ никакъ не хотѣлъ возвратиться, я упала къ ногамъ его и сказала; „Мужъ святой и
мудрый! мужъ праведный! прости, про-
спи милую мою подругу, которая
почитаетъ тебя всею душою! Ахъ!

одно

одно ея разсѣяніе было причиною того, что она не слыхала своего голоса, и не поклонилась мужу святому! „

Пріамвада. Что же онъ опровергалъ тебѣ?

Анузуя. Непремѣнныы слова мои, сказалъ онъ: но тогда истезнетъ сила ихъ, когда супругъ ея усидитъ кольцо свое. — Сказалъ и скрылся.

Пріамвада. И такъ мы можемъ упѣшишься, любезная подруга: ибо Царь передъ отъездомъ своимъ собственnoю рукою надѣлъ на палецъ Саконпалъ кольцо свое, на которое вырѣзано имя Душманпы, и которое онъ конечно узнаетъ.

Анузуя. Пойдемъ къ олшарямъ ботинъ и помолимся; онъ милоспивы, и помогутъ намъ въ горѣ. (*Идутъ.*)

Пріамвада (смотритъ въ сторону.) Посмотри, Анузуя, въ какой задумчивости сидитъ милая Саконпала, блѣдная и неподвижная! Голова прекрасной подруги нашей, подобно цветку увядающему, склонилась къ лѣвому

плечу. Вся душа ея занята однимъ предметомъ. Она не помнитъ теперь о самой себѣ: какъ же ей примѣчать странниковъ?

Анузуя. Оная ужасная клятва да останется между нами пакиствомъ, любезная Пріамвада! Всякое сильное потрясенїе опасно для нѣжнаго чувства нашей милой Саконпала.

Пріамвада. Кто захочетъ кипящую водою облипъ нѣжную маллику (*)? — (*Обѣ удаляются. Приходитъ утеникъ Канны.*)

Утеникъ. Канна, мужъ почпенный, возвратился въ обишељ свою, и послалъ меня сюда, узнать часъ ночи. (*Смотритъ на звѣзды.*) На одной споронѣ нисходитъ на вечернее ложе свое прекрасный мѣсяцъ, посеребряющій двѣ ты ошадди; на другой величественное солнце начинаетъ свое печеніе, сидя за Аруномъ, своимъ возницею. Сѣи великія свѣшила сяють при восхожденіи и заходженіи своемъ:

чело-

человѣкъ, по примѣру ихъ, долженъ быть равно твердъ и въ щастіи и въ нещастіи. . . . Мѣсяцъ скрылся, и цвѣтокъ ночи (*) лишился своей пріятности: гдѣ его благоуханіе? Онъ преклоняешь свою головку, подобно нѣжной невѣстѣ, копорая горюетъ въ отсутствіе жениха своего. — Утро алѣетъ, и пурпуромъ своимъ краситъ блестящую росу на вѣнчахъ *вадари*. Павлинъ пробуждается и слепаетъ съ хижины пустынника, покрытой святою травою. Тамъ юная антелопа, вскочивъ съ орошенаго луга, на которомъ видны слѣды копотъ ея, подымаетъ вверхъ голову и любуется красотою своею. — Ниспалъ мѣсяцъ съ небеснаго свода, и скрылся съ блѣдными лучами своими — мѣсяцъ, которой, ступивъ ногою на главу *Сумера*, даря горѣ земныхъ, и разсѣявъ тьму ночную, восходилъ до среднихъ чершоговъ Вишны (**)! Такъ

Ф 3

гор.

(*) Ялапія — *belle de nuit*.

(**) Индѣйское божество.

горды, съ величайшимъ напряженіемъ силъ своихъ, возносятся на верхъ честолюбія, и паки во прахъ ниспадаютъ!

Анузуя (*приходитъ въ задумчивости, и говоритъ тихо.*) Можно ли было думать, чтобы Саконтала, воспитанная въ строгости благочестія, удаленная отъ чувственныхъ наслажденій, могла любить такъ нѣжно? — Ахъ! для чего жестокой Царь осудилъ ее!

Ученикъ (*тихо.*) Время жертвы приближается. Пойду сказать о томъ благочестивому учителю. (*Уходитъ.*)

Анузуя. Тѣни ночныхъ удалились; утро пробудило меня — но руки мои не способны къ дѣлу. О любовь, любовь! почто мучишь ты подругу нашу? — Уже ли клятва Дурвасова начинаешь действовать? Для чего добродѣтельной Царь, послѣ торжества наго обязательства, такъ долго не присыдаешьъ вѣстниковъ къ своей супругѣ? Можетъ быть, надобно послать

къ

къ нему то кольцо, отъ котораго зависѣть судьба ея. — Ахъ! для чего я не знаю вѣрнаго средства къ утѣшению моей несравненной подруги, которая безпрестанно крушилъся! Чѣмъ она сдѣлала? Въ чёмъ проспутилась? Кто непорочнѣе Саконталы? — Однакожъ при всемъ томъ не имѣю смѣлости сказать отцу нашему Каннѣ обѣя беременности. Чѣмъ мнѣ дѣлать?

Пріялвада (прибѣгаѣтъ.) Поди, Анузуя, поди скорѣе! Саконту жопящъ послать къ супругу ея.

Анузуя (съ удивленіемъ.) Къ супругу?

Пріялвада. Послушай. Я пришла къ ней, и хотѣла спросить, по скойно ли она провела ночь — —

Анузуя. Сказывай, сказывай поскорѣе!

Пріялвада. Саконтала сидѣла, приклонивъ голову къ своимъ колѣнамъ. Вдругъ вошелъ отецъ нашъ Канна; обнялъ и подѣловалъ ее. „Любезная дочь!“ сказалъ онъ: мы видѣли „частливой“ знакъ. Юный Браминъ,

,, совершая упреннее жертвоприноше-
,, ніе , бросилъ чистый Гій (*) въ са-
,, мую средину священного пламени,
,, хотя дымные облака помрачали его
,, зрѣніе. Не щеменъ успѣхъ благо-
,, честиваго дѣйствія! Дочь моя дол-
,, жна ушѣшилась. Я рѣшился нынѣ от-
,, править тебя къ Монарху , супругу
,, твоему. ,

Анузул. Кто же сказалъ Каннѣ о
томъ , что случилось во время его
опускоствія ?

Пріамвада. Вступивъ во храмъ,
гдѣ пылаетъ священный огнь , услы-
шалъ онъ небесный гласъ , которой
говорилъ въ божественныхъ риомахъ —

Анузул. Ахъ ! я ужасаюсь !

Пріамвада. Слушай небесный
стихъ : „Знай , Браминъ благочесни-
,, вый , что воспитанная тобою дѣвица
,, прѣяла отъ Душманы лучь славы ,
,, который будетъ царемъ міра — такъ
,, чистое саминное древо принимаешьъ
,, въ

,,въ себя теплопу шаинспеннааго пла-
мени.,,

Анузул (*обнимаетъ свою подругу.*) Любезная подруга! я вѣ сея отъ радоспи! — — Но ахъ! намъ должно будетъ разспаться съ дражайшею Саконпалаю! . . Теперь чувствую, что гореспь моя — по крайней мѣрѣ не менѣе моей радоспи!

Пріямвада. Мы должны терпѣ-
ливо сносить печаль свою. Возлюб-
ленная наша будеъ щастлива — сїя
мысль можеъ насъ утѣшить.

Анузул. И такъ пойдемъ укра-
шать ее къ браку. Уже наполнила я
кокосовую скорлупу, висящую на оной
амрѣ, благовонными *нагакезарами*.
Сними ее съ дерева, и заверни цвѣты
въ свѣжіе лотовые листочки; а я возь-
му немного святой земли изъ-подъ
жертвенника и свѣжей травы *куссы*,
смѣшаю съ волосами освященной юницы,
и сдѣлаю изъ того чудотворное тѣ-
сто для Саконпалы.

Пріямвада. Хорошо! (Снимаетъ кокосовую скорлупу. Анузулъ уходитъ.)

За сценою. Гаутами! скажи обоимъ Мизрамъ, Саригаравъ и Сарадуатъ, чпо они должны провожать дочь мою Саконталу.

Пріямвада (слушаетъ.) Не теряй времени, Анузулъ, не теряй времени. Отецъ нашъ приготовляется уже все нужное къ путешествию.

Анузулъ. (возвращается съ соломеннымъ тѣстомъ.) Я здѣсь; пойдемъ, Пріямвада.

Пріямвада (осматриваетъ.) Саконтала, послѣ утренняго купанья, идетъ къ намъ; святые жены окружающъ ее, неся въ рукахъ своихъ корзинки съ освященными зернами. Пойдемъ къ ней на встрѣчу.

Саконтала, Гаутами и пустынницы.

Саконтала. Я повергаюсь передъ богинею.

Гаутами. Любезная дочь! произноси имя ея — молись ей — и ты будешь щастлива.

Пу-

Пустынницы. Да родящеся отъ тес-
бя Герои, Царская невѣста! (*Пустын-
ницы уходятъ*)

Анузуя и Пріямвада (*подходя
къ Саконталѣ.*) Любезная подруга!
пріятно ли купалась ты нынѣ въ чи-
стыхъ спруяхъ Малини?

Саконтала. Здравствуйте, милыхъ
мои подруги! здравствуйте, любез-
ныя! Сядьте подлѣ меня.

Анузуя. Дай миѣ приглазить къ ру-
кѣ твоей волшебное пѣство, отъ ко-
тораго ты будешьъ щаслива.

Саконтала. Благодарю, милая! —
Многое рѣшилось въ нынѣшний день;
и удовольствіе, быть вмѣстѣ съ моими
дражайшими подругами, не скоро уже
возвратится! (*Отираетъ слезы свои.*)

Пріямвада. Тебѣ не должно пла-
катъ, милая Саконтала! Щастіе ожи-
даешъ тебя въ Гасцинапурѣ. (*Пріям-
вада и Анузуя заливаются слезами,
одѣвая Саконтalu.*) Прелести твои
потребовали бы лучшаго убора. Мы
украшаемъ тебя дикими цвѣтами, въ
льсу нарванными.

Утечка

Ученикъ Каны (приносящий драгоценное платье.) Вотъ одежда для Царицы. Щастіе Саконшалъ! Да здравствуетъ Царица наша! (*Женщины въ удивлении.*)

Гаутами. Сынъ мой Гарипа! откуда взялась сїя одежда?

Ученикъ. Саконшала обязана оною благочестію отца нашего Каны.

Гаутами. Какъ должно разумѣть слова твои?

Ученикъ. Слушайте! Почтенный мудрецъ сказалъ намъ: „Принесите свѣжихъ цвѣтовъ, самыхъ лучшихъ, для Саконшалы!„, и вдругъ явились лѣсныя Нимфы, и подняли руки свои, мягкія и прекрасныя подобно юнымъ листьямъ. Одни шкали одежду, блестящую какъ свѣтлый мѣсяцъ, въ знакъ будущаго ея благополучія; другія давили сокъ изъ лакши, чтобы выкрасить ноги ея; прочія занимались приготовленіемъ головнаго убора, и всѣ ревностно спарались осыпать нась дарами своими.

Прялавада (смотритъ на Саконтала.) И пчела, живущая въ дуплѣ дерева, любитъ медъ лотоса цвѣта.

Гаутами. Видно, что сїи Нимфы посланы богинею, покровительницею Душманты.

Утеникъ. Я спѣшу къ Каннѣ, которой купается въ Малини ! спѣшу возвѣстить ему о благосклонности любезныхъ Нимфъ. (*Уходитъ*)

Анузуя. Милая подруга ! какъ удивило меня сїе платье ! Оно будеъ на тебѣ прекрасно. (*Думаетъ*) Хорошо, что я умѣю рисовать, и могу одѣсть шебя по правиламъ искусства.

Саконтала. Мнѣ извѣстна любовь твоя.

Канна (*приходитъ въ задумчивости и говоритъ тихо.*) Саконтала нынѣ должна быть отправлена ; я хочу сего — но какая скорбь уязвляетъ душу мою ? Слезная рѣка, которую разсудокъ удерживаетъ и вспять обращаетъ, опнимаетъ у меня языкъ и помрачаетъ взоръ мой. — Чудно, что

что пустынникъ, отъ жилища людѣй удаленный, можешьъ чувствовашь такую горесть! О какъ ужасно долженъ мучиться родицель, отпускающей дочь свою! (*Ходитъ въ задумчивости.*)

Пріятели. Теперь, Саконтала, голова твоя совсѣмъ убрана. Надѣнь сїе платье, подарокъ лѣсныхъ богинь. (*Саконтала встаетъ и надѣваетъ платье.*)

Гаутами. Любезная дочь! духовный отецъ твой, въ глазахъ котораго блестаютъ радостныя слезы, пришелъ сюда и желаетъ обнясть тебя; подойди къ нему съ почтеніемъ. (*Саконтала кланяется ему.*)

Канна. Да любитъ тебя супругъ твой, какъ Яяни любишъ Сармишту (*)! Да будешъ сынъ твой владѣтель міра, подобно ея сыну, великому Пурѣ!

Гаутами. Дочь моя! сїе благословеніе исполнится, и ты будешьъ славнѣйшая изъ женъ смертныхъ.

Кан-

(*) Индѣйской Государь и супруга его.

Канна. Милая Саконпала! обойди со мною вокругъ огня жервшеннаго. — Сіе пламя да соблюдешъ тебя — пламя, которое пылаешь на определенномъ мѣстѣ своемъ и сожигаешь благословенное дерево, обложенное свѣжими спелблями шаиншвенной куссы — огнь священія, испребляющій грѣхи посредствомъ восходящихъ паровъ чистой жерпвы! (*Саконпала тихими шагами обходитъ вокругъ пламени.*) — Теперь, дражайшая, съ радостными предзнаменованіями можешь отправиться въ путь свой. (*Осматривается.*) Гдѣ же проводники? Гдѣ Мизры?

Саригарава и Сарадуата. Мы здѣсь, святый мудрецъ!

Канна. Сынъ мой Саригарава! поди впередъ; покажи дорогу сеспрѣ твоей.

Саригарава. Пойдемъ! — (*Всѣ идутъ.*)

Канна. Внимайте древа святой рощи; древа, въ которыхъ живутъ лѣсныя богини! внимайте и возвѣстите, что Саконпала идетъ въ чертогъ

шогъ жениха и супруга своего — ша,
которая не утоляла жажды своей,
не поливъ вашего корня; ша, которая
изъ любви къ вамъ не сорвала ни
одного свѣжаго листочка съ вашихъ
вѣшней для украшенія головы сво-
ей; ша, которая всего болѣе радова-
лась временемъ вашего цвѣта!

Хорд невидимыхъ Нимфъ. Да
будетъ щасливъ пупъ ея! Пріятный
вѣтерокъ да развѣзаєъ вокругъ ее
благовоніе цвѣтовъ! Пруды чистѣй-
шей воды, покрытые зелеными лото-
сыми листьями, да утоляютъ ея жа-
жду! Да сплетаются надъ нею вѣнцы
и защищаютъ прекрасную отъ луча
солнечнаго! (*Всѣ слушаютъ съ удивлениемъ*)

Саригарава. Сей гласъ еспь мо-
жетъ быть гласъ *кокила* (*), которо-
рой желаетъ щасливаго пупи нашей
Саконпалъ; или Нимфы, подруги
благочестивыхъ жителей сей рощи,
поюпъ вмѣстѣ съ гармоническою пти-
цею.

Гау.

(*) Черная птица, весьма хорошо пою-
щая.

Гаутами. Милая дочь! лѣсныя ботини, любящія своихъ пустынниковъ, желали тебѣ щастія. Ты должна съ почтеніемъ принести имъ благодарность свою. (*Саконтала кланяется Нимфамъ*)

Саконтала (тихо *Пріямвадѣ*). Хотѣ мысль о свиданіи съ милымъ супругомъ восхищаетъ душу мою, однакожъ всѣ силы мои исчезаютъ въ ту минуту, когда я должна оставить сю рощу, убѣжище моей юности.

Пріямвада. Не ты одна печалишься. Смотри, какъ сѣпуетъ роща въ минуту разлуки! Антелона перестала Ѣстъ на лугу зеленомъ; павлинъ уже не прыгаешь по муравѣцвѣущей; лѣсныя расѣнія преклоняютъ къ землѣ блѣдные свои листочки; исчезла сила, исчезла красопа ихъ!

Саконтала. Почтенный отецъ мой! позволь мнѣ прощиться съ симъ мадгавиннымъ кусточкомъ, котораго

красные цветы какъ пламя пылаютъ въ рощѣ!

Канна. Я знаю, дочь моя, любовь твою къ прекрасному мадгавину.

Саконтала (*обнимаетъ кустъ.*) О ты блестательнѣйшее изъ вѣющихся распѣній! прими мои ласки; обними Саконталу гибкими своими вѣтвями! Хотя я далеко, далеко отъ тебя буду, но ты никогда не выдешь изъ моихъ мыслей. — Любезный наставникъ мой! почтай сѣ распѣніе другою Саконпалою!

Канна. Дражайшая! ты нашла супруга, достойнаго красоты твоей! Долго сердце мое того желало. Теперь, когда желанія мои совершились, я сочетаю любимое твое распѣніе съ амраннымъ деревомъ, которое цвететъ подъ онаго.

Саконтала (*подходитъ къ своимъ подругамъ.*) Милые подруги! сей мадгавиной кусточикъ да будеъ драгоценнымъ залогомъ въ рукахъ вашихъ!

Анузуя и Пріамада. Ахъ! на
кого ты нась оставляешь! (Объ пла-
тутъ.)

Канна. Слезы бесполезны, Анузуя. Вместо того, чтобы утѣшать Саконтулу, вы хотите растроить ее.

Саконтула. Почтенный отецъ мой! ты видиши сю антелону, кото-
рая, будучи опягчаема временемъ,
ею носимымъ, едва передвигаешь ноги;
когда она разрѣшился отъ онаго,
вришли меня уведомить объ ея здо-
ровьѣ. Не забудь моей просьбы!

Канна. Не забуду, любезная!

Саконтула (идетъ впередъ и
едругъ останавливается.) Ахъ! кто
удерживаетъ меня за полу? (Осмат-
ривается.)

Канна. Это серна, твоя пито-
мица; ты часто изъ рукъ своихъ
кормила ее стаиными зернами, и ли-
ла цѣлильное сесамное масло на ея
губы, когда уязвляла ихъ оспрая пра-
ва кусок. Она не хочетъ отспашь
отъ своей покровительницы.

Саконтала. О чемъ плачешь ты, нѣжная серна? Ахъ! о томъ, что я удаляюсь отъ общаго нашего жилища! Но будь покойна! Какъ я берегла тебя по смерти твоей матери, такъ отецъ мой будемъ беречь тебя по разлукѣ нашей. Ворошись назадъ, бѣлная серна, воротись! Намъ должно разспасться. — (Заливается слезами.)

Канна. Любезная дочь! тебѣ не прилично плакать. Мы опять увидимся. Будь покойна! Видишь передъ собою прямую дорогу — иди по ней. Когда подъ нѣжнымъ вѣкомъ почувствуешь горящую слезу, удерживай ону! Въ земномъ странствованіи нашемъ спези бывающіе не ровны, и не всегда можно узнать правую; шествіе твое не будетъ единообразно — но слѣдуя добродѣтели, доспигнешь благой цѣли.

Саригарава. Законъ повелѣває добромъ провожать странника до чистой воды. Святый мудрецъ! ты исполнилъ сїе правило; мы пришли теперь на берегъ большаго пруда. Дай намъ повелѣнія свои, и возвратися!

Канн.

Каяна. Отдохнемъ подъ тѣнию
сего вата (*). (*Садится въ тѣни.*) Чѣо
приказать къ великому Душманѣ?
(*Задумывается.*)

Анузул (*тихонько Саконталѣ.*)
Любезная! всѣ сердца въ нашемъ уединеніи
тобою веселились, и всѣ обѣ
отъѣздалищоемъ горевать будутъ.
Смотри — птица *такравака*, которую
зоветъ самка, сокрывающаяся подъ лилѣями,
не отвѣчашъ ей; жилки лото-
ваго стебелька, ею склеванные, выпа-
даютъ у нее изъ роту; она, съ неизѣ-
яснимымъ чувствомъ, устремляетъ
на тебя глаза свои.

Каяна. Сынъ мой Саригарава!
когда ты Саконталу представишь Ца-
рю, то скажи ему моимъ именемъ
сіи слова: „Помни, что мы пустын-
ники хотя и добродѣтельны, одна-
ко же бѣдны, или только однимъ
благочестіемъ богаты; помни вы-
сокой родъ свой и люби всегда сю-
дѣвицу, которую полюбило сердце

X 3

„пое

(*) Сѣнистое дерево.

,, твоє безъ всякаго старанія
,, воспитателей ея. Будь къ ней
,, столь благосклоненъ, сколь мило-
,, спивъ ты ко всѣмъ женамъ своимъ;
,, болѣе мы ничего не требуемъ, ибо
,, опмѣнная склонность зависить отъ
,, воли Небесной.,,

Саригарава. Слова твои, поч-
тенный учитель, впечатлѣлись въ мо-
памяти.

Канна (смотри на Саконтулу съ
нѣжностію.) Теперь, возлюбленная ду-
ши моей, шеерь и ты должна при-
нять кроткое мое наставление. Мы
смиренные жители лѣса довольно зна-
емъ свѣтъ, нами оспавленный.

Саригарава. Ничто отъ мудрыхъ
не скрыто.

Канна. Послушай, дочь моя! —
Жива въ домѣ супруга твоего, оказывай
надлежащее почтеніе ему и всѣмъ,
кого онъ уважаетъ; другимъ женамъ
его будь не совмѣстницею, а нѣжною,
ласковою сестрою. — Прости его, ко-
гда онъ огорчитъ тебя, но повинуй-
ся ему во всякое время. — Въ раз-
суж-

суждений домашнихъ твоихъ будь беспристрастна и справедлива; не всегда думай о своемъ удовольствіи. Поступая такимъ образомъ, юная жена заставимъ любить и почтить себя; то развращенные жены, какъ язва, умерщвляютъ спокойствіе въ домѣ. Что думаешь Гаупами о семъ наспавленїи?

Гаутами. Оно прекрасно. Ты должна помнить его, дочь моя!

Канна. Обними, любезная Саконтала, обними въ послѣдний разъ отдашь своего и нѣжныхъ подругъ своихъ!

Саконтала. Анузуя и Пріямвада возвратятся въ уединеніе?

Канна. И онъ, дочь моя, будущий супругами достойныхъ мужей. Теперь еще не прилично имъ быть въ городѣ; но Гаупами пойдетъ съ тобою.

Саконтала (*обнимаетъ его.*) Опущенная опѣмъ груди наспавника моего, подобно какъ юное сандельное дерево опѣмъ горѣ Малайскихъ, какъ буду распи на землѣ чуждой?

Каниа. Не заботься, дочь моя! Супруга царская не будетъ въ нуждѣ; развѣ избытокъ багатства можетъ иногда привести ее въ затрудненіе. Текущая горестъ со временемъ покажется тебѣ легкою, особенно тогда, когда будешь у тебя сынъ (ты родишь его!) сынъ, подобный сътилу дневному. — Впрочемъ знай, что пѣло наше въ извѣстной часѣ должно разлучиться съ душою: и такъ можно ли безъ мѣры печалиться о томъ, что слабѣшіе узы вѣнчанаго родства не вѣчны въ сей жизни?

Саконтала (подаетъ къ ногамъ его.) Отецъ, наставникъ мой! прими извѣдленіе любви и почтенія моего!

Каниа. Любезная невинность! да благословятъ Небеса спараніе мое о твоемъ щастіи!

Саконтала (приближается къ по-
другамъ своимъ.) И такъ, милая по-
други, обнимите меня обѣ вмѣстѣ!

Анузя. Милая Саконтала! есть-
ли добродѣтельный Монархъ вдругъ
тебѣ не узнаетъ, то покажи ему

кольдо , на которомъ вырѣзано имъ его.

Саконтала (ужасается.) Сердце мое трепещетъ отъ однои мысли. Ахъ ! что ты сказала мнъ !

Пріялмада. Не бойся , милая подруга ! Любовь боязлива ; но страхъ ея рѣдко бываетъ основашеленъ.

Саригарава. Святой мудрецъ ! солнце уже высоко — Царицъ время въ путь отправимься.

Саконтала (снова обнимаетъ Канику.) Ахъ , наставникъ мой ! когда возвращусь я въ сіе убѣжище добродѣши ?

Канніа. Когда ты , дочь моя , не сколько лѣтъ поживешь въ супружествѣ благочестивымъ Монархомъ , и подобно землѣ плодородной , родишь ему сына , котораго колесница будетъ первая въ битвѣ : тогда Царь твой возложитъ на него бремя правленія ; тогда вмѣстѣ съ любезнымъ своимъ Душмантою , прежде отшествія въ *вній миръ* , возвратишься ты въ сію

священную рощу, и насладившись здесь спокойнымъ вечеромъ жизни.

Гаутами. Милая дочь! время течетъ быстро. Проспесь съ отцомъ своимъ. — Поди, святый Канна, поди обратно въ свое жилище, откуда Саконтала, по волѣ высочайшей Судьбы, удаляется на такое долгое время.

Канна. Дражайшая Саконтала! сіе замедленіе прерываетъ должности моего богослуженія.

Саконтала. Ты уже всегда будешь исполнять ихъ безъ помѣшательства; а бѣдная осуждена лишь слезы.

Канна. Ахъ! не принуждай меня нарушать долга моего! — (Вздыхая.) Нѣтъ, ничто не уменшишъ моей горести. Могу ли утѣшиться, могу ли не сѣповашь, видя двѣпущія распѣнія, которыя ты, моя любезная, посыла рукою свою передъ моей хижиной? — Поди! да будетъ щастливо твое путешество! — (Саконтала удаляется съ Гаутами и Мизрами.)

Анузуя и Пріямвада. (смотря
въ горестію въ слѣдѣ за нею.) Горе,
горе намъ! густыя дерева сокрывающі
любезную!

Каница. Дѣти! подруга ваша уда-
лилась — умѣрше печаль свою, и по-
дите за мною. (Идутъ назадъ.)

Анузуя и Пріямвада. Святый
отецъ! роща безъ Саконшалы будетъ
гореспною пустынею.

Каница. Для любви вашей. — —
(Погружается въ размышеніе.) —
Ахъ! благодарю Небо! Слабое сердце
наконецъ укрѣпилось. — Всякой отецъ
рано или поздно долженъ свою дочь
отдать другому. Я отдалъ ее вели-
кому и благочестивому Монарху. Ду-
ша моя теперь спокойна, подобно ду-
шѣ того человѣка, котор旣 храчивъ
долгое время, и съ мучительнымъ по-
печеніемъ, вѣренный ему драгоцѣн-
ный залогъ, возвращаешь его нако-
нецъ хозяину.

Гепе сочинилъ на Саконталу слѣдующіе стихи :

Will ich die Blumen des fr hen , die Fr chte
des sp tern Jahres ,
Will ich was reizt und entz ikt , will ich
was s ttigt und n hrt ,
Will ich den Himmel , die Erde mit Einem
Namen begreifen ;
Nenn' ich Sacontala dich , und so ist alles gesagt.

То есть : Когда однажды именемъ
хоту я означить и весеніе цветы и
плоды осеніе , прелестное для глазъ
и питательное для души моей , и небо
и землю : тогда именую тебя , Саконтала , — и все сказано !

X.

СМѢСЬ.

1. Извѣстно , что Мольеръ былъ Актеръ . Однажды игралъ онъ роль Санха въ *Донб-Кишотѣ* , давно забытой комедіи . Исполняя съ точностью предписаніе Авпора , онъ сѣлъ верхомъ на осла и дожидался

за кулисами твои минуты, въ которую надлежало ему явиться на сценѣ; но оселъ, не зная своей роли, захотѣлъ скорѣе надлежащаго времени пока заться публикѣ. Извѣстно, что ослы бываютъ упрямы. Мольеръ силился удержать его за узду, и звалъ къ себѣ на помощь всѣхъ своихъ товарищей. *Сюда, Баронѣ! сюда, Горилльерѣ! (*)! помогите! помогите! Проклятое оселѣ!* врагъ мой! злодѣй мой! — Вѣрная Лифоре, служанка Мольерова, помирая со смѣху, старалась остановить осла; но человѣческія силы должны были уступить ослинымъ — побѣдитель какъ молнія вылетѣлъ на театръ и разстроилъ всю сцену. Мольеръ, упавъ на спину ослу, тянулъ его за узду изо всей мочи, и кричалъ зрищелямъ: *прошу извинить, прошу извинить, милостивые государи! эта проклятая тварь противъ воли моей сюда примѣталась!* — Не всякой бы узналъ въ семъ явленіи такого безсмершнаго

Ав-

(*) Имена Актеровъ.

Автора, которому удивляешься по-
томство!

2. Кто сколько нибудь знакомъ
съ Англійскою Літературою, тоъ
конечно знаетъ и сочиненія Доктора
Джонсона — знаешь и почитаешь его
дарованія. Прошлаго году вышло на
Англійскомъ языкѣ описаніе его жизни:
*The Life of Samuel Johnson, by James
Boswell.* Я выпишу изъ онаго нѣкото-
рыя мѣста, кошорыя могутъ быть
интересны для нашихъ читателей, и
кошорыя сообщашъ идею о духѣ се-
го Автора.

„Нѣтъ такой дурной книги, го-
варивалъ Джонсонъ, которая не была
бы чудомъ, еспѣли бы одинъ умъ
произвелъ ее, то есть, еспѣли бы Ав-
торъ не пользовался мыслями, или
опытами своихъ предшественниковъ.
Французскія сочиненія отъ того очень
мѣлки и поверхностны, что Авторы
ихъ не ученые люди, и только соб-
ственнымъ умомъ работаютъ; они
показываютъ наизъ, сколь недостаточ-
ны силы одного человѣка. — Джон-
сонъ

сонъ любилъ служить перомъ своимъ всякому изъ своихъ пріяшелей, и часто писалъ для другихъ дедикаціи, хотя самъ никому не посвящалъ собственныхъ сочиненій. До содерянія книги не было ему никакой нужды. Одинъ музыкантъ хопѣлъ поднесши Йоркскому Герцогу собраніе нотъ: Докторъ нашъ сочинилъ ему дедикацію. — Джонсонъ былъ въ Парижъ, и Французы смотрѣли на него какъ на чудо. Онъ не слѣдовалъ ихъ модамъ, носилъ свой темной Лондонской фракъ, черные чулки, чистое бѣлье, и говорилъ всегда по-Лапински. Только одному знаменитому Французу, которой началъ говорить съ нимъ по-Англійски, отвечалъ онъ по-Французски; и когда спросили у него о причинѣ того, Джонсонъ сказалъ: я надѣюсь, что мое *Французское произношеніе* не хуже его *Англійскаго*. — О сочиненныхъ имъ біографіяхъ Англійскихъ Поэтовъ писалъ онъ въ 1777 году, въ письмѣ къ Г. Босвелю, слѣдующее: I am engaged

gaged to write little lives and little prefaces to a little edition of the English Poets; что есшь: я облазил сотинамъ небольшія биографіи и небольшія предисловія къ небольшому изданію Английскихъ Пoэтовъ. — „Пріятель мой Гольдсмитъ, сказалъ онъ Босвелю, не поправляетъ, а портишъ свои сочиненія. На примѣръ въ Векефильдскомъ своемъ Священникъ вымаралъ онъ слѣдующія прекрасныя мѣста: 1) я немогу терпѣть тѣхъ людей, которые трутся въ бездѣлкахъ; 2) въ молодости моей хотѣлъ я отлучатъ себѣ отъ другихъ людей, и старался всегда выискивать что нибудь новое; но послѣ увидѣлъ, что сіе новое было всегда что нибудь ложное. — Босвель сказалъ ему однажды, что онъ не любишъ обходиться съ пѣми людьми, о которыхъ не имѣшъ хорошаго мнѣнія. Однакожъ не будьте въ это изъ слишкомъ разборчивы, опровергалъ Джонсонъ: иначе вы всю жизнь свою проведете въ уединеніи. — Одинъ знакомой привелъ къ нему брата своего, и ре-

комендуя его, сказалъ: вы потчасъ увидите, что брашъ мой очень забавенъ. *О! государь мой!* (оплакалъ Джонсонъ) я могу и подождать! — Онъ говорилъ о театре съ Г. Кемблемъ, братомъ славной Актрисы Сиддонсъ, и спросилъ у него: „не изъ тѣхъ ли вы Энтузіастовъ, которые въ мысляхъ своихъ совершенно превращающіяся въ играемый ими характеръ? „ Кемблъ оплакалъ, что онъ никогда такъ не забывался. *Вѣрю*, сказалъ Джонсонъ: *и естьли бы Гаррикъ дѣйствительно могъ думать, что онъ Ричардъ III, то его надлежало бы повѣсить.* — Между хорошо и худо воспітаннымъ человѣкомъ, говорилъ онъ, есть та розница, что одинъ при первой вспрѣчѣ намъ нравится, а другой бываетъ прошибенъ; одного любимъ мы, пока найдемъ причину не любишь; а другаго не любимъ, пока найдемъ причину любить его.,

XI.

ПИСЬМА РУССАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

(Продолжение.)

Гора Юра, 8 Ноября 1789.

Таверные, которой обѣздили большую часть свѣта, — Таверные говорилъ, что онъ, кроме одного мѣста въ Арменіи, нигдѣ не находилъ такого прекраснаго вида, какъ въ Обонѣ. Сей городокъ лежитъ на скатѣ высокой Юры, не далеко отъ Моржа, верстахъ въ тридцати отъ Женевы: и такъ, взявъ въ руки Дюгенской посохъ, отправился я въ путь, чтобы собственными глазами видѣть ту картина, которою восхищался славной Французской путешественникъ.

Теперь, любезные друзья мои, сижу я на голубой Юрѣ, повыше городка Обоня — смотрю, и взоръ мой теряется въ безчисленныхъ красотахъ видимой мною страны, освѣщающей вечернимъ солнцемъ.

Все Женевское свѣтлое озеро
какъ зеркало представляется глазамъ
моимъ — по сю сторону множества
городовъ, деревень, сельскихъ доми-
ковъ, луговъ, лѣсочковъ и дорогъ, кото-
рыя одна другую пересѣкаютъ, расхо-
дятся и опять соединяются, и на
которыхъ движутся люди какъ двѣя-
щельные муравьи — а по ту сто-
рону, на Савойскомъ берегу, спраш-
нья окалы, нѣсколько хижинъ, и на-
конецъ гордая *блѣлая гора* въ снѣжной
своей мантии, въ алоцвѣтной коро-
нѣ, красимой солнечными лучами, —
какъ царица среди прочихъ окружаю-
щихъ ее горъ, высокихъ и гордыхъ,
но передъ нею низкихъ и смиренныхъ
. . . Вознося къ небесамъ главу свою,
она вопрошаєтъ Европу: *что выше
меня?* и Европа отвѣтствуетъ ей
почительнымъ молчаниемъ.

Насыщайся, мое зрѣніе! Я дол-
женъ оставить сю землю . . . Для
чего же, когда она столь прекрасна?
Построю хижину на голубой Юрѣ, и
жизнь моя протечетъ какъ восхити-

шельной сонъ! . . . Но ахъ! здѣсь
нѣтъ друзей моихъ!

Величественный рельефъ Напу-
ры! впечатлѣйся въ моей памяти!
Увижу ли тебя еще разъ въ жизни
моей, не знаю; но еспѣли огнедышу-
щіе Вулканы не превращаютъ въ пе-
пель красомъ своихъ — еспѣли зем-
ля не разступится подъ тобою, не
осушитъ сего свѣплаго озера, и не
поглотитъ береговъ его — ты бу-
дешь всегда удивленіемъ смертныхъ!
Можетъ быть дѣпи друзей моихъ
придуть на сїе мѣсто: да чувствую-
тъ онъ, что я теперь чувствую,
и Юра будешь для нихъ незабвена! —

Солнце закатилось; но горы бли-
спають. Темнѣетъ синяя твердь —
еще сїаютъ три холма бѣлой горы.
Шумитъ вѣтеръ — облака показыва-
ютъся на западѣ, разливаются по небу,
и мрачная завѣса сокрываетъ отъ
глазъ моихъ великолѣпную картины.

Обонь, и часовъ вечера, Тавернье, возвращаясь изъ Индіи съ великимъ богатствомъ, купилъ Обонское Баронство, и хощѣлъ здѣсь провести остатокъ дней своихъ. Но спрѣсть къ путешесствіямъ снова пробудилась въ душѣ его — будучи осьмидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду, поѣхалъ онъ на край сѣвера, и скончалъ многопрудную жизнь свою въ столицѣ нашего Государства, въ 1689 году. Возвратясь въ Москву, я постараюсь найти гробъ сего примѣчанія достойнаго человѣка, которої обѣздилъ всю Европу и Азію, шесть разъ былъ въ Туреціи, Персіи, Индіи, и все еще не насыпался путешесствіями. — Отецъ его торговалъ географическими картами; сынъ любилъ ихъ рассматривать, и часто говорилъ отцу: *Ахъ батюшка! какъ бы хорошо было видѣть всѣ тѣ земли, которыя изображены здѣсь на бумагѣ!* Вотъ начало его спраски! —

Какое различіе въ судьбѣ человѣческой! Одинъ родится и умираетъ

въ отцевской своей хижинѣ, не знашаго, что дѣлаєтъ за полями его; другой хочетъ все знать, все видѣть — и необозримые Океаны не могутъ ограничить его любопытства.

Въ человѣческой натурѣ есть двѣ противныя склонности: одна влечетъ сердце наше всегда къ новыиѣ предмѣтамъ, а другая привязываетъ насъ къ старыиѣ; одну называютъ неконстистствомъ, любовью къ новостямъ, а другую привыкотю. Мы скучаемъ единообразіемъ и желаемъ перемѣнъ; однакожь, разспаваясь съ тѣмъ, къ чему душа наша привыкла, чувствуемъ горесть и сожалѣніе. Шаспливъ говоритъ, въ комъ сїи двѣ склонности равносильны! Но въ комъ одна другую перевѣситъ, тотъ будешъ или вѣчнымъ бродягою, вѣтренымъ, беспокойнымъ, мѣлкимъ въ духѣ; или холоднымъ, лѣнивымъ, нечувствительнымъ. Одинъ, перебѣгая безпрѣстанно отъ предмета къ предмету, не можетъ ни во что углубиться, дѣлаясь разсѣяннымъ, и лишающі-

шася *энергии* въ ощущеніяхъ; другой, видя и слыша всегда *то же да то же*, грубѣеъ въ чувствахъ и наконецъ засыпаетъ душею. Такимъ образомъ сіи двѣ крайности сближаются, по тому что и та и другая ослабляетъ въ насъ душевныя дѣйствія. — Читайше Тавернѣе, Павла Люкаса, Шардена и прочихъ славныхъ путешесвіенниковъ, которые почти всю жизнь свою провели въ странствіяхъ: найдете ли въ нихъ нѣжное, чувствительное сердце? Тронутъ ли они душу вашу? — Ахъ друзья мои! человѣкъ, которой десьть, двадцать лѣтъ можетъ пробыть въ тужихъ земляхъ, между тужими людми, не тоскуя о своемъ отечествѣ, не тоскуя о тѣхъ, съ которыми онъ родился подъ однимъ небомъ, писалъся однимъ воздухомъ, учился произносить первые звуки, игралъ въ юладенчествѣ на одномъ полѣ, вмѣстѣ плакалъ и улыбался — сей человѣкъ никогда не будешь мнѣ другомъ! —

Проспите! Перо выпадаетъ изъ
рукъ моихъ, и мягкая поспела манишъ
меня въ свои объятія.

Женева, 26 Ноября 1789.

Долго я не писалъ къ вамъ, друзья
мои, для того что не могъ писать.
Около двухъ недѣль мучила меня та-
кая жестокая головная боль, какой я
отъ роду не чувствовалъ, и кото-
рая не только не давала мнѣ за перо
приняться, но даже и спать мѣшала.
Опершись на столъ, просиживалъ я
дни и ночи, почти безъ всякаго дви-
женія, и закрывъ глаза. Добродушная
хозяйка моя, Мадамъ Лаже, приво-
дила ко мнѣ Доктора; но лекарства
его не помогали.

Наконецъ благодѣтельная Напура
сжалилась надъ бѣднымъ страдальцомъ,
и сняла съ головы моей свинцовую
тяжость. Вчера я въ первой разъ вздох-
нулъ свободно, и въ первой разъ,
вышеши на чистой воздухъ, поднялъ
на небо глаза свои. Мнѣ казалось,

что вся Природа радовалась со мною — я плакалъ какъ младенецъ, и узналъ, что болѣзнь не ожесточила моего сердца — оно не разучилось наслаждаться, — чувствуетъ такъ же, какъ и прежде, и любезный образъ друзей моихъ снова сияетъ въ немъ во всей своей ясности. Ахъ, милые! въ сию минуту исчезло раздѣляющее насъ пространство — я обнималъ васъ вмѣстѣ съ Напурою, вмѣстѣ съ цѣлою вселенною!

Исчезни воспоминаніе о прошедшей болѣзни! Я не хочу быть злопамятымъ пропивъ матери моей Природы, и забуду все, кроме того, чѣмъ она усаждаетъ чашу дней моихъ!

Μνήμη καὶ Δεῖθη, μέγα χάρετον· οὐ μὲν ἐπί ἔργοις
Μνήμη τοῖς αἰγαθοῖς, οὐ δὲ, ἐπὶ λειτουργίαις (*).

(*) „ Воспоминаніе и забвение, воспоминаніе пріятнаго, забвение печальнаго! будьте щастіемъ моей жизни ! , ,

Женева , Декабря 1 , 1739 .

Нынѣ минуло мнѣ двадцать четыре года ! Въ шесть часовъ утра вышелъ я на берегъ Женевскаго озера , и устремивъ глаза на голубую воду его , думалъ о жизни человѣческой .

Друзья мои ! дайте мнѣ руку , и пусть вихрь времени мчитъ насъ куда хочетъ ! — Довѣренность къ Проридѣнію — довѣренность къ той невидимой рукѣ , которая движетъ и міры и атомы ; которая бережетъ и червя и человѣка — должна быть основаніемъ нашего спокойствія .

Этотъ день хотѣлъ бы я провести съ вами ; но какъ быть ! — Спани у хотя въ мысляхъ вами радоваться . И вы конечно вспомните нынѣ своего друга .

Вмѣстѣ съ Беккеромъ намѣренъ я нынѣ обѣдать у Барона де Лю , а ужинать въ трактирѣ золотыхъ ёсовъ , гдѣ у насъ будеши веселой концертъ .

Вы можете быть удивляешься, друзья мои, что я по сие время ничего не говорилъ вамъ о великому Боннептѣ, которой живетъ верстахъ въ четырехъ отъ Женевы, въ деревне Жанну. Мы сказали, что онъ весьма не здоровъ, глухъ и слѣпъ, и никого кроме близкихъ родственниковъ не принимаетъ; по чьему я и не имѣлъ надежды видѣть сего славнаго Философа и Натуралиста. Но третьяго дня Г. Кела, свойственникъ его, вызвался самъ ѿхать къ нему со мною, увѣривъ меня, что посѣденіе мое не будеши ему въ шагость. Мы приїхали къ нему поутру, но не заспали его дома: онъ прогуливался. Г. Кела велѣлъ ему сказать, что одинъ Русской путешественникъ желаетъ быть у него — и на другой день Боннептъ прислалъ звать меня. Въ назначенное время поспучался я у дверей сельскаго его домика, былъ введенъ въ кабинетъ Философа, увидѣлъ Боннепта, и удивился. Я думалъ найти слабаго старца, угнѣщенаго бременемъ лѣтъ —

об-

обвешалую скинью, которой временный обитатель, небесный гражданинъ, утомленный беспокойствомъ и сладостной жизни, ежедневно собирается лепѣть обратно въ свою отчизну — однимъ словомъ, развалины великаго Боннепа. Что же нашелъ? хотя спарда, но весьма бодраго — спарда, въ глазахъ котораго блестаетъ огонь жизни — спарда, котораго голосъ еще твердъ и пріятеленъ — однимъ словомъ, Боннепа, отъ котораго можно ожидать впорой *Палигенези* (*). Онъ вспрѣшилъ меня почти у самыхъ дверей, и съ ласковымъ взоромъ подалъ мнѣ руку свою. „Вы видите передъ собою такого человека, сказалъ я, которой съ великимъ удовольствиемъ и съ пользою читалъ ваши сочиненія, и которой любишь и почитаешь васъ сердечно., Я всегда радуюсь, оправдываясь онъ, когда слышу, что сочиненія мои приносятъ пользу или удовольствие благороднымъ душамъ. Мы

(*) Типуль одного изъ его сочинений.

Мы сѣли передъ каминомъ, Бонненѣтъ на большихъ своихъ креслахъ, а я на стулѣ подле него. *Подвиньтесь ближе*, сказалъ онъ, приспавляя къ уху длинную мѣдную трубку, чтобы лучше слышать: *тутъства мои тупѣютъ*. — Я не могу отъ слова до слова описать вамъ разговора нашего, который продолжался около трехъ часовъ. Довольствующийся нѣкоторыми отрывками.

Бонненѣтъ очаровалъ меня своимъ добродушiemъ и ласковымъ обхожденiemъ. Нѣшъ въ немъ ничего гордаго, ничего надменнаго. Онъ говорилъ со мною какъ съ ровнымъ себѣ; и всякой комплиментъ мой принималъ съ чувствительностью. Душа его споль хороша, споль чиста и неподозрительна, что онъ всѣ учтивыя слова почишаетъ за языкъ сердца, и не сомнѣвается въ ихъ искренности. Ахъ! какая разница между Нѣмецкимъ Ученымъ и Бонненѣтомъ! Первой съ гордою улыбкою принимаетъ всякую похвалу какъ должную дашь,

дань, и мало думаешь о томъ человѣкѣ, которой хвалишъ его; но Боннептъ за всякую учтивость стараешься плащить учтивостию. Правда, что бой между нами не могъ быть равенъ: я говорилъ съ Философомъ, всему свѣту известнымъ, и всѣми превозносимымъ; а онъ говорилъ съ молодымъ, обыкновеннымъ, неизвѣстнымъ ему человѣкомъ.

Боннептъ позволилъ мнѣ перевести его сочиненія на Русской языкѣ. „Съ чего же вы думаете начать?”, спросилъ онъ. Съ *Разсматриваніемъ Натуры* (*Contemplation de la Nature*) отвѣталъ я, которое по справедливости можешь быть названо магазиномъ интереснѣйшихъ знаний для человѣка. — „Никогда не приходило мнѣ на мысль, сказалъ онъ, чтобы сіе сочиненіе было такъ благосклонно принято публикою и переведено на столько языковъ. Вы знаете, (изъ предисловія къ *Contemplation*) что я хотѣлъ бросить его въ каминъ. Но переведя *Палигенезію*, вы переведете

луч-

лучшее и полезнейшее мое сочинение.
Ахъ государь мой! въ нашемъ вѣкѣ
много невѣрующихъ!,, — Ему непріят-
но, что на Англійской и Нѣмецкой
языкѣ переведено *Разсматриваніе Но-
туры* безъ его вѣдома. Когда Ав-
торъ еще живѣ, сказалъ онъ, то над-
лежало бы у него спросить. —
Спалланциану переводу оглашаетъ онъ
преимущество передъ всѣми прочими,
а Нѣмецкимъ Переводчикомъ, Профес-
соромъ Тиціусомъ, весьма не дово-
ленъ по тому, что сей ученой Гер-
манецъ думалъ поправлять его, и соб-
ственныя свои мысли сообщалъ за-
мѣнїя Сочинишевы. Я сказалъ Бон-
непу, что Тиціусъ, не смотря на
свою ученость, во многихъ мѣстахъ
не понималъ его. На примѣръ нача-
ла *Разсматриванія Нотуры*: је tréle-
ve à la Raifon Eternelle, перевелъ онъ:
Ich erhebe mich zu der ewigen Ver-
nunft: грубоая ошибка! Вмѣсто Ver-
nunft надлежало бы сказать Urſache;
подъ словомъ raifon разумѣлъ Авторъ
причину, а не разумѣ. Боннепъ по-
жалъ

жалъ плечами, услышавъ отъ меня о сей ошибкѣ.

Онъ любилъ Лафатера, хвалилъ его сердце и таланты, но не совѣтуетъ никому учиться у него Философіи. — Лафатеръ, будучи не давно въ гостяхъ у Боннепа, вдругъ схватилъ съ него парикъ, и сказалъ сыну своему, которой прїѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ: *смотри, Генрикъ! где ты увидишь такую голову, памъ утись мудrostи.*

Говоря о честолюбїи Авторскомъ, Боннепъ сказалъ: „Пусть Сочинители ищутъ славы! Трудаясь для собственной своей выгода, они приносятъ пользу человѣчеству; ибо премудрой Творецъ неразрывнымъ союзомъ соединилъ частное благо съ общимъ.”

Жанъ-Жака называетъ онъ великимъ Рипоромъ, слогъ его музыкою, а Философію — воздушнымъ замкомъ. Будучи усерднымъ пашріопомъ, Боннепъ не можетъ проспішь согражда-

нину своему, что онъ въ Lettres érites de la Montagne не пощадилъ Женевского правительства.

„Въ цѣлой Европѣ, говоришь Боннепѣ, не найдете вы такого прошедшеннаго города, какъ Женева; наши художники, ремесленники, купцы, женщины и девушки, имѣютъ свои библиотеки, и читаютъ не только романы и спики, но и философическія книги. „ — И я могу сказать, что Женевскіе парикмахеры твердятъ наизусть цѣлые тирады изъ Вольтера, и что Женевскія Дамы, въ домѣ у Господина К*, слушаютъ съ великимъ вниманіемъ одного молодаго Графа, Маршенева друга, когда онъ изъясняетъ имъ тайну творенія.

Боннепѣ вызвался, словесно или письменно объяснять для меня пѣмѣстъ въ своихъ сочиненіяхъ, копорыя показужпся мнѣ темными; но я избавлю его отъ сего труда.

Почтенней старецъ проводилъ мене до крыльца. — Знаете ли, какъ
Сост. VI. Ч въ

въ просвѣщенной Женевѣ обыкновенно зовутъ его? *Иисектомъ* — для того, что онъ писалъ объ инсектахъ!

Женева, Января 23, 1790.

Въ здѣшней маленькой Республике начинаются несогласія. Странные люди! живущіе въ спокойствіи, въ довольствіи, и все еще хощущіе чего-то. Нынѣ слышалъ я патетическую проповѣдь, на текстѣ: *если забуду тебя, о Йерусалимъ! то да забудетъ себя рука моя, и да прилипнетъ языкъ мой къ гортани моей, если ты не будешь главнымъ предметомъ моей радости* (*)! Разумѣется, что Йерусалимъ значилъ Женеву. Проповѣдникъ говорилъ о любви къ отечеству; доказывалъ, что Республика ихъ щастлива со всѣхъ споронъ; что для соблюденія сего благополучія всѣмъ гражданамъ должно жить въ согласіи, и что на семъ общемъ согласіи основ-

вы-

(*) По Французскому переводу.

зывае^{ся} личная безопасность каждого. Въ церкви было множество людей, а особливо женщинъ, хотя Риморъ обращался всегда къ братьямъ, а не къ сеспрамъ. Всѣ вокругъ меня вздыхали, всѣ плакали — я самъ несказанно былъ тронутъ, видя слезы красавицъ, матерей и супругъ.

Вотъ письмо къ Боннепу, писанное мною вчера поушру:

Monsieur,

Je prends la libert de Vous écrire, parce que je crois qu'une petite lettre, quoique écrite en manvais françois, Vous importunera moins qu'une visite qui pourroit interrompre Vos occupations quelques moments de plus.

J'ai relu encore une fois Votre *Contemplation* avec toute l'attention possible. Oui, Monsieur, je puis dire sans ostentation, que je me sens capable de traduire cet excellent ouvrage sans le défigurer, ni m^{me} affoiblir beaucoup l'énergie de Votre style; mais pour conserver

toute la fraicheur des beautés, qui se trouvent dans l'original, il faudroit être un second *Bonnet*, ou doué de son génie. D'ailleurs notre langue, quoique fort riche; n'est pas assez cultivée, et nous avons encore très peu de livres de philosophie et de physique écrits ou traduits en russe. Il faudra faire de nouvelles compositions et même créer de nouveaux noms, ce que les Allemands ont été obligés de faire, quand ils ont commencé à écrire en leur langue; mais sans être injuste envers cette dernière, dont je connois toute l'énergie et la richesse, je dirai que la notre a plus de souplesse et d'harmonie. Le sentiment de l'utilité de mon travail me donnera la force nécessaire pour en surmonter les difficultés.

Vous êtes toujours si clair et Vos expressions sont si précises que pour présent je n'ai qu'à Vous remercier de la permission, que Vous avez bien voulu me donner, de m'adresser à Vous, en cas que quelque chose dans Votre ouvrage m'embarrasse. Si j'ai de la peine, ce sera de rendre clairement en russe ce qui est

est très clair en françois , pour peu que l'on sache ce dernier.

Je me propose aussi de traduire Votre *Palingenesie*. J'ai un ami (Mr. N. N. à Moscou) qui s'estime heureux , ainsi que moi , d'avoir lu et médité Vos ouvrages , et qui m'aidera dans mon agreable travail ; et peut - être que dans l'instant même où j'ai l'honneur de Vous écrire , il s'occupe à traduire un chapitre de Votre *Contemplation* ou de Votre *Palingenesie* , pour en faire un présent à son ami à son retour dans sa patrie .

En présentant au Public ma traduction , je dirai : *Je l'ai vu lui-même* , et le lecteur m'enviera dans son cœur .

Daignez agréer mes remerciements de l'accueil favorable que Vous avez eu la bonté de me faire , et le respect profond , avec lequel je suis (*) ,

Monsieur ,

Votre très - humble
et très - obeissant serviteur

N. N.

Ч 3

Вопъ

(*) „Я осмѣливаясь писать къ вамъ,
, думаю , что письмо мое обезпоко-
,, иль

Вопъ оправъ:

Де-

„ и ꙗль вѣсъ менѣе , нежели вѣзимъ ,
„ которой могъ бы на нѣсколько ми-
„ нутъ перервать ваши упражненія .

„ Съ величайшимъ вниманіемъ чи-
„ талъ я снова ваше Разматриваніе
„ Натуры , и могу сказать безъ ище-
„ славія , что надѣюсь перевести оное
„ съ довольною точноситю ; надѣюсь ,
„ что не совсѣмъ ослаблю слогъ вашъ .
„ Но для того , чтобы сохранить всю
„ свѣжестъ ирасопъ , находящимся въ
„ подлинникѣ , мнѣ надлежало бы
„ имѣть Боннеповъ духъ . Сверхъ этого
„ языка нашъ хотя и богатъ , одна-
„ можъ не такъ обработанъ , какъ дру-
„ гие , и по сїе время еще весьма не
„ многія философскія и Физическія
„ книги переведены на Русской . Надобно
„ будемъ составлять или выдумывать
„ новые слова , подобно какъ состав-
„ ляли и выдумывали ихъ Нѣмцы ,
„ начавъ писать на собственномъ языке
„ свое ; но отдавая всю справедли-
„ вость сему послѣднему , котораго
„ богатство и сила мнѣ извѣстны , ска-
„ жу , что нашъ языкъ самъ по себѣ

„ го-

Genthod, Vendredi au soir, 22 Janvier, 1790.

Si je n'avois pas su, Monsieur, que vous étes Russe de naissance, je ne m'en ferois pas douté à la lecture de votre obligeante lettre. Vous maniez notre

Ч 4

Jan-

, гораздо пріятнѣе. Переводъ мой мо-
, жемъ быль полезенъ — и сїя мысль
,, послужитъ мнѣ ободренїемъ къ пре-
,, одолѣнїю всѣхъ трудностей.

,,, Вы пишете такъ ясно, и выраже-
,, нія ваши такъ определены, что
,, на сей разъ я долженъ только благо-
,, дарить васъ за данное мнѣ позволе-
,, ніе, требовать у васъ изъясненія въ
,, такомъ случаѣ, еслибы что ни-
,, будь показалось для меня непонят-
,, нымъ въ Разсматриваніи Натуры.
,, Можетъ бытъ, трудно будетъ мнѣ
,, выражать ясно на Русскомъ языке то,
,, что на Французскомъ весьма понят-
,, но, для всякаго, кто хотя не много
,, знаетъ сей языкъ.

,,, Я намѣренъ переводить и вашу
,, Палингенезію. Однѣ пріятель мой,
,, живущій въ Москвѣ, такъ же какъ и я
,, любитъ читать ваши сочиненія и бу-
,, детъ моимъ сопрудникомъ; можетъ

,, бытъ

Jangue comme un François qui l'a culti-
vée, & je ne puis trop me féliciter
d'avoir rencontré un Traducteur aussi ca-
pable que vous l'êtes de rendre bien son
original. Vous ne rendrez sûrement pas
moins bien la *Palingenesie* que la *Contemplation*,
et ces deux ouvrages vous devront un
honneur auquel l'Auteur sera extrêmement
sensible, celui d'être connus d'une Na-
tion que votre patriotisme désire d'éclai-
rer, et qui est très susceptible d'instru-
ction.

rai

„быть въ самую сю минуту, когда
„имѣю честь писать къ вамъ, онъ
„переводитъ главу изъ *Разсматри-*
„ванія или *Палингезіи*.

„Предлагая публикъ переводъ мой,
„скажу: я видѣлъ его самого, и чи-
„татель позавидуетъ мнѣ въ сердцѣ
„своемъ.

„Изъявляя благодарность мою за
„благосклонной прѣмъ, которой вы
„мнѣ сделали, съ глубочайшимъ по-
„чтеніемъ имѣю честь быть —
и проч.

J'ai, Monsieur, un plaisir à vous demander; ce seroit d'accepter pour lundi prochain, 25 du courant, un petit dîner philosophique dans ma retraite champêtre. Si ce jour peut vous convenir, je vous attendrois sur le midi, et nous nous entretiendrions ensemble d'un travail dont je vous suis si redevable. Veuillez me donner un mot de réponse.

Je suis charmé d'apprendre que vous ayez à Moscow un Ami inspiré par les mêmes vues qui vous animent, et la satisfaction qu'il goûte à me lire et à me méditer, m'en donne beaucoup à moi-même.

Agréez les assurances bien vraies des sentimens pleins d'estime et de considération avec lesquels j'ai l'honneur d'être,
Monsieur,

Votre très humble
& très obéissant serviteur,
Le Contemplateur d. I. Nature (*)

Ч 5

(*) Начало письма есть ничто иное, как
одна Французская учтивость. — „Я ра-
зумею, нашедши такого переводчика, и
вы конечно хорошо переведете Па-
лии-

Лингенезю и Разматриваніе. Авторъ
будетъ вамъ весьма благодаренъ за
то, что вы познакомите съ его со-
чиненіями такую націю, которую онъ
уважаетъ.

Я намѣренъ просить васъ обѣ од-
номъ удовольствіи — не можно ли
вамъ въ понедѣльникъ, то есть 25
числа сего мѣсяца, спбѣдать со мною
по философски въ сельскомъ моемъ
уединеніи! Еспѣли можно, по око-
ло двѣнадцати часовъ буду ожидать
васъ, и мы поговоримъ о томъ тру-
дѣ, котормъ вы намѣрены обязать
меня. Прошу обѣ отвѣтъ.

Мы пріятно слышать, что у васъ
есть пріятель, котоій вмѣстѣ съ
вами любишь просвѣщеніе, и нахо-
димъ удовольствіе въ членіи моихъ
сочиненій.

Увѣряя васъ въ моемъ почтеніи,
имѣю честь быть,

Государъ мой,

Вашъ покорный слуга
Разматриватель Натуры.

(Продолженіе спредъ.)

СОДЕРЖАНИЕ VI ЧАСТИ.

АПРѢЛЬ.

I.	Отрывокъ изъ описанія празднѣ- спва , бывшаго у Его Свѣтлости Князя Григорія Александро- вича Потемкина-Таврическаго.	5
II.	На разлуку съ Б * * - - -	6
III.	О слабости ! - - -	10
IV.	Ложь вала Элизѣ	—
V.	Прогулка Арабскаго Философа Ал - Рашида - - -	17
VI.	Лисимахъ - - -	22
VII.	Письма Русскаго Путешественника	30
VIII.	Къ портрету покойнаго Князя Михайла Никитича Волконскаго	54
IX.	Разные отрывки - - -	65
X.	Жизнь Клоопшока - - -	74
XI.	Московской Театръ - - -	98
XII.	Объясненіе о книгѣ - - -	107

МАЙ.

I.	Къ Милости. - - -	117
II.	Весна. - - -	120
III.	Шарлотта на Верперовой гроб- нице - - - -	122
IV.	Сцены изъ Саконипалы - -	125
V.	Эзфразія къ Мелкуру. - -	156
VI.	О досугѣ - - -	157
VII.	Фіялка - - -	177
VIII.	Письмо иѣ Издашлю - -	181

IX.

IX. Письма Русского Путешественника	-	182
X. О Русскихъ книгахъ	-	204
XI. Парижскіе спеціалы	-	208
XII. Смѣсь	-	212
XIII. О иностранныхъ книгахъ	-	214

ІЮНЬ.

I. Сизой голубочикъ.	-	217
II. Графъ Гваринось.	-	219
III. Къ Лирѣ.	-	227
IV. Гимнъ.	-	235
V. Надгробная.	-	237
VI. Бѣдная Аиза.	-	238
VII. Нѣчто о Миѳологии.	-	277
VIII. Соломонъ Геснеръ.	-	285
IX. Сцены изъ Санонцалы.	-	294
X. Смѣсь.	-	326
XI. Письма Русского путешественника.	-	330

ОШИБКИ ВЪ ПЕЧАТИ.

Стран.	Стр.	Нак.	Чит.
249	20	черные	голубые
261	12	Иваномъ накъ	Иваномъ; какъ
301	15	копотъ	коштъ
309	8	Малини!	Малини;
311	23	внимайше древа	внимайше, древа
318	9	въ мо-	въ моей

Имена Особъ , благоволившихъ под-
писатьсь на Московской Журналь-
въ Апрѣлѣ , Маѣ и Іюнѣ мѣся-
цахъ.

Въ Москвѣ.

Его Сиятельство Князь Сергій Ива-
новичъ Одоевскій.

Его Сиятельство Князь Матвѣй Алексѣевичъ Гагаринъ.

Его Сиятельство Князь Михайло Яков-
левичъ Хилковъ.

Его Высокоблагородіе Сергій Ивано-
вичъ Вепрѣской.

Его Высокоблагородіе Александръ
Аполлосовичъ Наумовъ.

Ея Высокоблагородіе Марья Алексѣев-
на Савина.

Его Благородіе Иванъ Ивановичъ Мѣ-
щаниновъ.

Его Благородіе Иванъ Ивановичъ Су-
мороковъ.

Его Высокопреподобіе Павелъ Архи-
мандритъ Новоспасскій.

Ея Сиятельство Княгиня Прасковья
Дмитріевна Гагарина.

Его

Его Высокоблагородіе Федоръ Гаврил
ловичъ Вишневской.

Ея Высокоблагородіе Федосья Иванов-
на Аргамакова.

Его Высокоблагородіе Яковъ Александ-
ровичъ Шереметевъ.

Его Благородіе Николай Михайловичъ
Яновской.

Его Высокоблагородіе Алексѣй Ивано-
вичъ Фонъ-Менденъ.

Борисъ Дмишріевичъ Евреиновъ, Купецъ
Московскій.

Неизвѣстная Особа.

Его Сіятельство Графъ Артемій Ива-
новичъ Воронцовъ.

Его Высокоблагородіе Левъ Александ-
ровичъ Кайсаровъ.

Его Высокоблагородіе Петръ Ларіоно-
вичъ Сафоновъ.

Въ другихъ Городахъ.

- Въ С. Петербургѣ Его Высокородіе
Александръ Васильевичъ Солгыковъ.*
— — Его Высокоблагородіе Иванъ
Петровичъ Ляпуновъ.
— — — — Николай Пешровичъ Ди-
ринъ.
— — Коэма Ивановичъ Гамбуровъ,
Придворной Актеръ.
— — Его Благородіе Гаврило Гера-
симовичъ Полишковской.
- Въ Елисавет-Градѣ Его Высокоблаго-
родіе Павелъ Никифоровичъ Шароу.*
- Въ Кременчугѣ Его Высокородіе Фе-
доръ Ивановичъ Левашевъ.*
- Въ Тулѣ Его Высокоблагородіе Андрей
Ивановичъ Прошасовъ.*
— — — — Пепръ Николаевичъ Юш-
ковъ.
- Въ Тамбовѣ Ея Святельство Княгиня
Варвара Васильевна Голицына.*
- Въ Козловѣ Его Высокоблагородіе
Пепръ Ивановичъ Ивановъ.*

Въ

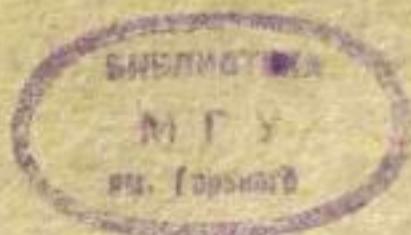
**ВЪ Новгородѣ Сѣверскомъ Его Превосходи-
тельство Иванъ Николаевичъ Ри-
ской-Корсаковъ.**

**Во Псковѣ Его Высокоблагородіе Ми-
хайло Ивановичъ Бибиковъ.**

**ВЪ Симбирскѣ Его Высокоблагородіе
Акимъ Николаевичъ Ичанскій.**

**ВЪ Арміи Его Превосходительство
Алексѣй Николаевичъ Долгорукой.**

**Н.В. Черезъ Почтъ - Амтъ четыре эк-
земпляра для неизвѣстныхъ Особъ.**

СОДЕРЖАНИЕ.

Страницы

I.	Сизой голубочикъ.	217
II.	Графъ Гвариниосъ.	219
III.	Къ лирѣ.	227
IV.	Гимнъ.	235
V.	Надгробная.	237
VI.	Бѣдная Аиза.	239
VII.	Нѣчто о Мъзологіи.	277
VIII.	Соломонъ Геснеръ.	285
IX.	Сцены изъ Саконцамъ.	294
X.	Смѣшъ.	325
XI.	Письма Руснаго путешественника.	330

Подписка на сей Журналъ при-
нимается здѣсь въ Москвѣ въ Уни-
верситетской книжной лавкѣ на
Тверской, а въ другихъ городахъ
въ Почтѣ-Ампахѣ. Весь годъ она-
го стоитъ въ Москвѣ пять руб.
а съ пересылкою семь. Кому же
угодно будетъ изъ другихъ горо-
довъ послать деньги прямо въ лав-
ку, того просимъ Издатель сооб-
щить при томъ свой адресъ; и въ
такомъ случаѣ ручаемся за вѣриое
доставленіе Журнала.